

Воплощение красоты человеческой

Об искусстве — боевом, наступательном рассказывает на страницах нашего журнала критик О. Воронова.

№ 13 июль 1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1919
ВЛКСМ
1968

СМЕНА

Она девушка не кинозвезда, чьи портреты олевыми заборы, но слушавшая установленное совершенно выдающийся мировой рекорд, и не эстрадная певица, победившая на конкурсе песен в Сопоте или Сочи. Она Бортопроводница, или, если употребить более эзотеричное слово, стюардесса — как вам больше нравится, так и называйте. Работает на внутренних авиалиниях: когда в Хабаровск, когда в Иркутск, когда в Братск. При этом, когда и куда — это распределяют: бригады бортопроводников не закреплены за тем или иным экипажем, за тем или иным рейсом — летают, куда пошлют.

Работа ее не то чтобы проста, но и не слишком сложна и в общем, укладывается в десктом каждому летавшему взрослому словосочетанию: — Наш рейс номер такой-то, по маршруту такому-то...

Граждане пассажиры, наш самолет приземлился в аэропорту. Словом, работа как работа, девушка как девушка.

Тем не менее лицо этой девушки знакомо сотням тысяч, а то и миллионов людей. Мбо она стюардесса с того самого самолета.

...Помните, конечно, историю, случившуюся прошлым августом, — драку с острым сюжетом, длившуюся десять часов, причем первый ее акт разыгрался на взлетной полосе Хабаровского аэропорта, а последний — на бетоне подмосковного аэродрома «Домодедово». Помните удивленно-радостные залюбован в газатах — удивленные потому, что алтерная история авиации воздушная громадина ухитрилась благополучно сесть с такими несправностями, а радостные потому, что для ста семидесяти пассажиров уже окончилось благополучие. Помните, наконец, внеплановую передачу по телевизору, наярженную, несколько растерянные лица людей в форменных кителях, людей, не привыкших к подвижному камерам телестудии, к такому количеству света в глаза и такую реакцию зрительной grids то там, в бесчисленных квартирах перед бесчисленными экранами.

Помните! Ну, значит, помните и бригада бортопроводников Лины Кирьявнички. Тогда ее именуют официально, по имени-отчеству, и от этого, а также от строгой формы, а также от напряжения перед тепловатерной она называлась старше своих лет. На самом деле Лина родилась три года и больше ей никак не дало. Волосы у нее светлые, до плеч, спадают свободно. Ходит она легко, держится сподручно, говорит просто. Вообще типичная москвичка.

Между прочим, она и есть коренная москвичка. Здесь родилась, здесь выросла, выучилась и продолжает учиться, здесь вступила в комсомол, здесь пошла работать, здесь живет.

И взгляды она московской — есть нечто универсальное не только в одежде, но и в самом выражении лица. Вид такой, будто торпелится то ли на праздничную вечеринку, то ли к подруге на свадьбу. — Некоторых гостей Московия ве двадцатипятилетней дочерью даже раздражают своим праздничным видом. Легкая, дескать, у них жизнь. Маленькими дочки, папешкины нахлобачки...

Лина Кирьявничка живет одна, без мамы, без папы. Живет на окраине, на Каширском шоссе. Старый дом, где мгла она раньше, сплоски — вот и дали комнату здесь, в новом районе. Рай-

он Лине, откровенно говоря, не слишком нравится: и от центра далеко, и от метро пока не близко. Впрочем, есть и большое преимущество: удобно ездить на работу. Разумеется, удобно по современным понятиям. То есть сперва десять минут автобусом до станции Чертаново, а там электричкой еще минут сорок, до самого конца, до аэропорта «Домодедово». Вот только электрички ходят не часто. Так что с работы Лина порой ездит автобусом-экспрессом, он прохидит совсем близко от дома. Или, правда, безостановочно, но если попросить шофер тормознет на секунду-другую. Иногда, впрочем, отказывается, просят до центра: ведь по виду девушки никак не скажешь, что она предельно устала, что ее рабочая смена длится вот уже трое суток, вот уже пятнадцать тысяч километров...

Впрочем, и усталость и прочие трудности Лины — это дело ее личное, об этом она не любит...

Седьмого августа прошлого года она вылетела из Хабаровска в Москву, в самый длительный в стране беспосадочный рейс. Самолет «ТТ-104», время в пути — восемь часов сорок пять минут, сто семидесять пассажиров, температура за бортом... Температура за бортом низкая, даже в августе мороз, даже в жарком августу до сорока ниже нуля...

Вылетели утром, но утром — по московскому, одному времени транспортников. По Хабаровскому уже вечерело. Лина была в пассажирском салоне, которая за стеклами километровой, а еще темнее-синей, только рондающейся полуглазе Лины. Собственно, испры ли это, на скорости взглянуть было нелегко — просто махивалило...

Лина быстро прошла в пилотскую кабину, и бортинженер рассказал, что произошло. А вещь произошла если не страшная, то уж, во всяком случае, предельно опасная. Когда самолет на огромной скорости бежал по бетону Хабаровского аэродрома, на одном из колес правой тележки лопнула шина. Обнажившийся металл захрипел о бетон, выбило искры... Уже после взлета с земли сообщили, что тележка горит. Разина разрушилась и распалась, летящий гигант охромел на правую ногу...

Самолет лямл жалко и ровно, потому что под колесом был прочный, надежный, устойчивый бетон — здесь, на высоте, опастся было нелегко. Но рано или поздно предстояла встреча с землей, и тогда могло случиться австра, вплоть до самого страшного...

Авария и гроза и не цинили, она никогда не оповещает о себе заранее. Рейс этот считался радывым, экипаж в нем был радывой, бригада радывая...

Командир корабля Игорь Веняминович Бузин принял решение лететь по курсу в Москву. Впрочем, все равно надо было забиваться от лунного горячего — чем меньше его в баках, тем меньше риск австра при приземлении... а раскодовать его лучше в полете, по полету. Во-вторых, в родном аэропорту и стены помогают. И, наконец, в-третьих, главная забота экипажа — вовремя доставить пассажиры к пункту назначения, и от этой заботы Бузин не захотел себя освободить даже в столь критической ситуации.

У пилота были свои заботы, и бригада бортопроводников — свои. Лина вернулась в салон.

В полетный час две стюардессы — аккуртно-деловитые раздели по салону завтрак. Пассажиры задавали вопросы. Их интересовало разное. Например, как проехать из Домодедо-

ва во Внуково, а как в Бывково. И где закомпостировать билет до Симферополя.

Лина, естественно, отвечала на все вопросы. Как держалась она тогда? Да почти обычно. Она все понимала, но верила в самолет, верила в экипаж, верила в помощь там, на родном аэродроме. И только, может быть, чересчур часто смеялась. И пассажиры радовались, что им попали такая веселая стюардесса...

Кстати, в общедомовой своей жизни Лина смеется довольно редко. Чувство юмора развито у нее сильно, но выражается скромно: жесток искоса, блеснет глазами, приподнимет уголки губ... Вообще Лина — человек сдержанный, и в тотому, что жалко ей эмоции, а просто знает цену вещам. Слово, поступок, обещание. Между прочим, деньги ценят тоже знает, и очень хорошо — так уж сложилась жизнь...

Лина было две года, когда умерла мама. У отца вскоре образовалась новая семья, и девочка осталась на руках у бабушки. Бабушка берегла ее, как могла, воспитывала, как умела, кормила и одевала, как позволяли средства.

С детства воспитывала Лина и Москва — сама фактом существования своих заводов и театров, библиотек и стадионов, концертов и дискуссий. Из того, что может дать Москва, Лина взяла немало, хотя и не слишком много, можно было пожелать. Но жизнь есть жизнь, не ее получают...

После семилетия Лина пошла в медицинский училище. Не то чтобы так уж сильно любила она медицину. Но годами размышлял, выясняя свое единственное место в жизни, у нее просто не было возможности: ведь пока она станет самостоятельной да колебаться, бабушка придется ее кормить... А в училище все же была стипендия. Четырнадцать рублей тоже деньги.

Потом Лина работала мастеровой в детской больнице. Вскоре осталась совсем одна: умерла и бабушка. Осталось от той поры воспоминание, как взяла на несколько дней к себе домой четырнадцатую выдворенную девочку, как здорово с ней было и как жалко было потом отдавать приехавшим родителям...

...Самолет еще проглаживал небо где-то над Кирово, еще только чуть-чуть забирал вперед правым крылом, а к Домодедовскому аэропорту уже мчалась машина, много машин. Правда, здесь и обычно много машин: съезжаются служебные, выравниваются в ряд деловые «Волги» в шашечку, встречают делегации специальные автобусы... Но сейчас к Домодедову мчались иные машины.

Летели «Скорые помощи» на такти скорости, будто не автомобили, а аэропланы, будто не по шоссе, а по взлетной полосе. Летели тревожного цвета пожарные машины, сломан. Будто последние метры, длиннее свои лестницы, летели безостановочно, сиренами разгоняя пробки на перекрестках, тесня и обчиная грузовики и легковушки, летели красные на красный свет, и светофоры навстречу им мгновенно меняли окраску.

Самолет между тем прошел все свои положенные километры, пронел все свои расписанные минуты. Винт возлигнул Домодедово.

Но уходил из-под колес все новые и новые километры, утекали все новые и новые минуты — и опять и опять возлигнул винту Домодедово. Возлигнул и пришло то, под ледым, то под правым крылом: самолет вырывается еще остав-

Пролетари всех стран, соединяйтесь!

ЛИТЕРАТУРНО — ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основа в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

ИЮЛЬ 1968

(987)

ЖЕНА

Бригадир бортировщиц Инна Кирьявейнен.

Фото В. ТЮККЕЛЯ

Лучшие специалисты нашей авиации — конструкторы, инженеры, пилоты — непрерывно держали связь с командиром корабля. Любая совет, любую консультацию Игорь Вейналминович Бузик мог получить мгновенно.

Самолет кругами ходил над Подписковелья, огромным петлями словно обвивая заволоку августовские облака. Полет подходил к концу.

Есть такой авиационный термин, ставший уже не только газетным штампом, но и почти поговоркой: посадить на три точки. Да, так и сажает самолет — на устойчивый треугольник, образованный у маленьких самолетов тремя колесами, а у гигантов, как «ТУ-114», тремя тележками. Бузику предстояло посадить корабль на две точки.

Еще совсем немного — и грозный самолет станет неустойчивым, как дружокосельный велосипед. И от того, сумеет ли пилот удержать машину в равновесии, зависело, станет ли вся эта история трагедией или драмой со счастливым концом.

Многое, очень многое зависело и от бортировщиц, от их бригадира Инны Кирьявейнен. Самолет уже больше часа кружил над Москвой, пассажиры начали беспокоиться. А кто наручился бы за исход полета, если бы сто семьдесят человек в салоне вдруг охватила паника...

Естественно, пассажиры задавали вопросы. Естественно, получали ответы. Но успокаивали их даже не слова, а весь облик стюардесс: держится просто, ходит легко, говорит весело, и вообще вид такой, будто только что вышла из кафе-автомата...

Кстати, в авиацию Инна попала практически случайно. Нет, не из-за романтики голубых просторов — к словесной романтике она вообще относится иронически. Просто подружка сказала, что одна знакомая якобы устроилась работать на вертолет медсестрой и что платят там сто рублей в месяц. Поехали на аэродром, а там сказали, что ни на вертолетах, ни на самолетах медсестры не волонтеры, но зато есть такая специальность: бортировщица...

А став бортировщицей, Инна работала хорошо. И до этого полета и после. Впрочем, она работала бы хорошо и на любой другой работе. Чувство ответственности развито у нее очень сильно. Инна — человек надежный. Это качество ценят в ней и товарищи и руководство, потому что в том полете и оказалась бригадиром именно она, самая младшая по возрасту...

...Огромный самолет коснулся бетонки двумя точками и, чуть позже, третьей — большой своей ногой. Он катился по дорожке, как любой приземлившийся самолет, только трясло чуть больше. Колоссальным напряжением сил Бузик удерживал машину в равновесии, и каждая секунда была победой, потому что каждая секунда гасила скорость...

Пассажиры узнали о грозившей им опасности только на земле, верней, на жестком бетоне Демодедова. Не успев испытать страх, они испытали освобождение от него...

Мне пришлось слышать мнение, что, мол, Инна и ее товарищи не бригады не делают ничего особенного, просто выполняли свои обязанности, что оказались на их месте другие и т. д... Я возражал, что кратковременная смелость при опасности свойственна многим, но что проявлять спокойно, сдержанное мужество в течение десяти часов — дело другое. Интересно, что сама Инна полностью согласна с первой точкой зрения. Она говорит, что у них в порту бортировщиц вообще очень хорошо, она ничем не лучше остальных, и плохо, что ей досталось слишком много внимания, которое справедливо было бы распределено на всех.

Работает она по-прежнему, летает на восточных линиях. Павлу медаль «За трудовые отличия» и почетный знак ЦК ВЛКСМ носит на синей не новой форме. Занимается английским языком, который любит со школь. Еще любит спорт, но времени почти не остается. Жаль, когда-то у Инны были совсем неплохие результаты. По лыжам.

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

СМЕНА 1

Фестиваль — это встреча молодых и сильных, это много песен и танцев и неискуемая яркость красок. Но фестиваль — это не только яркость красок, и песни, и танцы. Первая международная встреча молодежи, Прага, 1947 год. Ее девиз — «Молодежь, объединяйся в борьбе за прочный мир».

София, год 1968-й: «За солидарность, мир и дружбу». О войне, о мире думают молодые, и поэтому каждая их встреча проходит под политическими лозунгами, поэтому так не любят фестивали наши враги.

О прошедших фестивалях, об их политическом значении рассказывают участники предыдущих встреч молодежи мира.

Н. А. МИХАЙЛОВ,
председатель
Комитета по печати
при Совете
Министров СССР,
участник
фестивалей в Праге,
Берлине,
Буапеште, Бухаресте

Я думаю, что это аксиома: фестиваль молодежи, лишенный политического содержания, не имеет бы успеха. Вспомним, когда создавалась Всемирная демократическая федерация молодежи. То были первые послевоенные годы. В Европе административные, и даже духовные оковы. Указавшая себя молодежь просто не находила бы аполитичную организацию. Однако вспомним также, что федерация объединила сразу значительную молодежь 63 стран без различия цвета кожи, социального происхождения, политических и религиозных взглядов. Членами этой организации стали молодой английский священник, неграмотный индийский крестьянин и комсомолец из Москвы. Новая, еще бывшая форма общения необходима была этим людям, чтобы узнать и понять друг друга. Так рождалась мысль о фестивале.

Уже первые юбилейные встречи молодежи имели большой успех. Это был успех политических мероприятий. В дни Пражского фестиваля делегаты получили сообщения секретаря ВОДМ: в тот момент, когда представители молодежи 58 стран собрались на свою встречу, франксисткий военный суд ввлек жестокую приговор до смерти молодых республиканцев Испании. Шестеро приговорены к смерти, остальные — к тридцати годам тюремного заключения. Все они несовершеннолетние. Единственное преступление их заключалось в том, что они хотели самостоятельной жизни в демократической Испании.

Сообщение об этой чудовищной акции вызвало бурю негодования. Многие делегаты направленные представителям Испания. Франксистские нелегальности и государства во всех странах были завалены протестами молодежи мира.

Фестиваль ждал сообщения из Испания. Оно вскоре пришло: возмущение во всем мире заставило отступить. Франко отменил пять из шести смертных приговоров.

Это была победа. Мы знали ей

цену. Победа укрепила веру молодых в свои силы, веру в могучую силу солидарности. Но враг не смился.

Когда молодежь собралась на свой третий, Берлинский фестиваль, кровь ахала на земле Вьетнама. Третий фестиваль боролся против злодейской войны французских колонизаторов. Все газеты обобрали в те дни портрет молодого француза, отказавшегося бороться во Вьетнаме и брошенного в тюрьму. Третий фестиваль воевал за свободу Анри Мартэна. Участникам берлинской встречи не пришлось услышать восторгов его освобождения. Двери тюрьмы распахнулись перед Мартеном только в день открытия следующего фестиваля — в Бухаресте.

Четвертый фестиваль послал радостное приветствие молодому французу. А на следующий день Бухарест увидел демонстрацию солидарности с греческими патриотами, лучшие силы Запада томятся в те время в тюрьмах. В Бухарест пришло письмо от узников тюрьмы Анис: «Хотя железные цепи и ропоты тюрьмы не позволяют нам принять участие в фестивале — мы с вами». Письмо подписала Мариоис Глос.

Сегодня герои Греции снова в тюрьмах. Я знаю, этот летом из София будут поступать сообщения, от которых неутоимо станет алергом африканской хулы. И чем, что снова разжжет войну во Вьетнаме. К миллионным протестов против преступлений американских мускулы, требовательный голос всемирной встречи молодежи. Фестиваль не может себе позволить стоить вне памяти: слишком много еще порок и ругань на земле.

Л. Н. АВДЕВА,
народная артистка
РСФСР,
солистка
Государственного
академического
Большого театра,
лауреат конкурса
вокалистов
на фестивале
в Бухаресте

Я пришла на фестиваль в Бухаресте для участия в конкурсе

песен, и все мое время, все мысли были подвешены конкурсу. Очень хотелось победить. У меня оказались серьезные соперники из Болгарии и Норвегии. Пятнадцать лет прошло с тех пор. Эти пятнадцать лет вместили множество встреч, впечатлений, я оказалась чуть ли не весь мир, а первых соперник на своем первом международном конкурсе помню. Очень дорога была для меня та золотая медаль.

Наши время расплано по минутам. После конкурса я и другие лауреаты даем несколько концертов. Репетиции, концерты, строжайший режим дня. Кажется, нет места иным впечатлениям, кроме сугубо музыкальных.

Но фестиваль — это фестиваль. На концертах в зале кричат: «Франк, русские!» Не лично артистам аллодуруют: «Франк, русские!»

Все вокруг говорят о Вьетнаме. То бы 1953 году, во Вьетнаме воювали французики колонизаторы. В день открытия по стадиону шли торжественным маршем делегаты разных стран. Когда появились очень серьезные вытпачки, откуда то выбежала французская милиция. Они обвели вытпачки и давшие им восте, слова предшественный сценарий порядок торжественного шествия. Это была потрясающая встреча.

Мадлен Риффо, замечательная французская журналистка, пришла в Бухарест кину новых стихов о Вьетнаме — против Франци. Трудно представить себе человека, который, встретившись с этой женщиной, не задулся бы о войне и мире, добре и зле.

Мне запомнилась еще встреча с американками. Мы заглядели до этого. Это была нетеропливая, тихая беседа, когда никто с коду не отбавится на культуру. В те дни каждый мог встретиться с человеком из любой страны, как будто земной шар уменьшился до размеров Бухареста. И радости и тревоги всей земли приближались к каждому.

На фестивале звучали стихи, музыка. Проксодили встречи, которые оказывали влияние на всю жизнь. Студенческий оркестр Московской консерватории тоже получила в Бухаресте золотую медаль на своем конкурсе. Директор оркестром Евгений Селетков, теперь он главный дирижер Государственного симфонического оркестра СССР. На фестивале мы встретились. А потом он стал моим мужем.

Как видите, у меня очень удачные впечатления от этой удивительной встречи. Это была такая большая музыка и понимание о войне, где люди обретают друзей.

Г. И. ЛАМОЧКИН,
Герой
Социалистического
Труда,
начальник потока
Московского
домостроительного
комбината № 2,
участник фестивалей
в Хельсинки

В чем я вижу политическое значение фестивалей? Я всегда рад был за рубежом, на фестивале — однажды. И могу сказать, что фестиваль — это событие из тех, которые помнятся всю жизнь.

Мне кажется очень важным, что на фестивалях встречается молодежь. Мы привыкли повторять: молодежь принадлежит будущему. Но будущее начинается сегодня. От того, как мы относимся сегодня друг к другу, что знаем друг о друге, много будет зависеть отношения между нашими странами завтра.

Помню, участвовал в пресс-конференции. Журналисты ждали немного. А пришло их огромное множество. Такого было трудно узнать что-то о нашей стране.

В то время я был депутатом Верховного Совета СССР, и меня приглашали на встречу с финскими парламентариями. И опять вопросы, удивление: как, в 26 лет уже депутат? А когда успешно учился, бригадирять (в то время была бригадиром монтажника).

Степеньные в нашем представительстве финны оказались очень любознательными, доброжелательными. Стояло предложение кому-нибудь в форме советской делегации в толпе, как этот человек тотчас бывала «кент в плен» гостиницыми Хельсинки. Нас звали в гости, делили сувениры и всячески старались выразить свои чувства к Москве, России.

Угрюма, тел стояла «Грузия» (советская делегация жила на ринкоаде), с раннего утра собиралась толпа. Некоторые поджидали в нашей стране и чуть ли не ский фильм, киноактеру Нину Дробышеву, артистов грузинского ансамбля танца, который совершенно по доверия Хельсинки.

Здесь же велась серьезнейшие политические дискуссии. Я до сих пор помню субъекта, который каталогически отбрасывал все хорошее в нашей стране и чуть ли не ский факт ее существования. В эти споры мы участвовали умению убеждать. Мы учились убеждать

АРМЕНИЯ

Традиционный армянский народный праздник — «Давитиогим», проходивший на склонах гор Цахкадзор, в 50 километрах от Еревана, молодежь посетил представитель IX Всемирному фестивалю. В празднике участвовали молодежные творческие коллективы Еревана и их гости из Ленинграда, Киева, Риги, Таллина, Вильнюса и других городов страны. Главный приз — огромный ковер с эмблемой фестиваля, сотканный молодежью творчества, — оспаривали 30 самодельных коллегтивов.

МОЛДАВИЯ

Молодежь Молдавии вышла в один из субботних дней на республиканский трудовой субботник. Заработанные деньги юноши и девушки уступили детям в фонд IX Всемирного фестиваля.

Советский подготовительный комитет IX Всемирного фестиваля молодежи и студентов утвердил заявку советской делегации на Софийском фестивале.

ФЕСТИВАЛЬ МОЛОДЕЖИ

в спорах, в которых никто нехотел было вернуться заново: своего противника мы могли завтра не встретить, не встретить никогда. Фестивалю оказался для нас школой политической борьбы.

Не могу сказать, что все переубеждал. Но мы были искренни и честны, и, думаю, друзей у нашей страны после фестиваля значительно прибавилось.

Когда я говорю «мы убеждали», я имею в виду не только советскую делегацию, а всех наших друзей, весь фестиваль. Да, фестиваль убеждал. Да, фестиваль убеждал с тем, что он имеет успех, можно было судить хотя бы по реакции врагов этой встречи. Они ведь тщательно готовились к фестивалю. Уже в канун открытия стало известно, что в делегацию молодежи США включены агенты ЦРУ и ФБР. Государственный США сверт того периода группу профессиональных провокаторов. Американское правительство отдавало огромные деньги на подрывную деятельность антифестивальных орденов. Хельсинки приехала и группа членов «Общества Джона Брайна». Им приказано было вернуться вокруг факела фестиваля, спровоцировать драки.

Активно готовился к встрече в Хельсинки и Бонн. Немцы любят оспаривать: в Западной Германии создали специальную антифестивальный штаб с участием нескольких министров. Штаб направил в столицу фестиваля множество агентов, которые пытались вербовать делегатов для бесплатных поездок в ФРГ. Особо «квалифицированные» провокаторы должны были склонить посланцев ГАР к измене. Когда в день открытия мы готовились к шествию на стадион, нас предупредили, что все встретит толпа провокаторов.

Мы шли по улицам Хельсинки буквально сквозь строй жителей этой города, они доброжелательно уламбасив, приветствуя нас. И вдруг мы увидели их: лица искаженные злобой, кричат что-то поносное. Мы в ответ кричим «Имени демократической молодежи!». Я вообще невид слабый, но тут старая и все же моя как один человек, и криком тех замостенных никто больше не слышал. А в это состояние случилось такое, отчего я много забыл этих провокаторов-судамщиков. Во время открытия над Хельсинки внезапно разразился страшный ливень. И что дорожно: ни один человек, сколько я мог видеть, не ушел с трибуны.

Какой-то журналист очень точно написал об открытии фестиваля: мы, приехавшие уже к огромной расковане стадиона — так, кажется, было сказано — прислушивались к ее шуму, к аканвию молодежи всех континентов мира, собравшейся на фестиваль.

Их увидят участники Софийского фестиваля:

«Саратовские гармоника» в исполнении учащихся профтехучилища.

Солист Узбекской государственной филармонии и артисты, лауреат премии Ленинского комсомола Адыл Калалхожаев.

Кировоградский ансамбль народной песни «Итрян».

Фото Н. РЯСИНА

ГУЗИЯ

В Софии побывала большая группа студентов Тбилисского педагогического института имени А. Пушкина. В награду за активное участие в художественной деятельности и за высокие исполнительские массово-самодеятельности и за участие в конкурсе ЦК ЛКСМ Грузии предоставлено им возмездно встретиться с болгарскими друзьями. В течение двух недель симфонизма института, хореографические и вокальные группы студентов выступили с концертами в Софии, Варне, Пловдиве и других городах. Это уже вторая зарубежная поездка будущих педагогов. В прошлом году они побывали в Польше.

УКРАИНА

В течение семи дней молодежь была хозяйкой на улицах и площадях, в парках и рабочих клубах столицы Украины. Здесь прошла фестивальная неделя, посвященная IX Всемирному фестивалю молодежи и студентов и областям ВЛКСМ. В «Биснесских зонах» — конкурсе украинской песни и танца, в театральном представлении «Славяне дружно надвигаются», вместе с молодежью выступили ведущие артисты известных театров.

Юнонам и девушкам древнего города на Днепре, нам и всей прогрессивной молодежи планеты, близки понятия слова «социализм», «мир», «дружба». Вот почему на городском вечере «Мы с вами, ровесники из героического Вьетнама» тысячи молодых рабочих, студентов, школьников Киева вновь парализовали гневный протест против агрессии американской оккупации на Вьетнаме земли.

Массовым воспринимом, в котором приняли участие более шестидесяти тысяч юношей и девушек, закончилась в столице Украины фестивальная неделя. Заработанные деньги молодежь передала в фонд Всемирного фестиваля.

АЗЕРБАЙДЖАН

Весь заработок, начисленный молодежной бригадой строителя Шафира Агасева за один из рабочих дней, около 120 рублей, передовой коллектив передал в фонд IX Всемирного фестиваля молодежи в Софии.

Бригада Агасева работает на строительстве Сугангитского химического комбината, объявленного всеобщей ударной комсомольской стройкой.

В фонд IX Всемирного фестиваля молодежи и студентов Азербайджана деньги с концерта молодежи Кировского мусульманского ансамбля Азербайджана. Сцена республиканского театра оперы и балета была предоставлена победителям свертки, проведенного ЦК комсомола Азербайджана в честь предстоящей софийской встречи, — намерению оркестру Азербайджанского ансамбля «Севини», хореографическому ансамблю девушек «Севини», напутствием завсеголосов ансамбля республиканского фестиваля народной музыки «Музган-68».

УЗБЕКСТАН

Сотни юношей и девушек собрались в сборочном цехе завода «Ташсельмаш». Они проносили в путь хлопкоуборочную машину, изготовленную в рабочее время и из самоподготовленных материалов. На бегу поудобой прилавки сверкает сербром эмблема фестиваля. Это шествие в фонд, который отдал Комитет Молодежи подготовительный комитетом IX Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

Молодежь «Ташсельмаш» приняла обращение ко всем юношам и девушкам Советского Союза с призывом поддержать политическую программу IX фестиваля.

Сергей
ВИШНЕВСКИЙ

На стене косяками, откуда стрелял убийца, остался отпечаток его ладони.

КТО

Мартин Лютер Кинг во главе демонстрации за гражданские права негров.

УБИЛ МАРТИНА ЛЮТЕРА КИНГА?

Американский образ жизни?

Нет! Американский образ смерти

Я и не знал тогда, что через несколько минут услышу речь, которая войдет в историю Америки.

Стоял жаркий и душный августовский день 1963-го. Армия репортеров заняла высоту — на верхние ступени монумента Линкольна. Визу по обоям берегам Зеркального пруда, насколько хватал глаз, бурлило человеческое море. Десятки тысяч белых и черных — тысячи марша за свободу и работу — приехали в тот день в Вашингтон, протестуя против расовой дискриминации. Возбужденные мурлыки. Некустарый плакатомный момент марша — митинг у монумента Линкольна.

Мне удалось пробиться сквозь людскую гущу к самому трибуну сооруженной прямо на ступенях монумента. Я очутился лицом к лицу с Мартином Лютером Кингом. Так вот он какой... Незыбкий, плотно сложенный человек. Ему немногим больше тридцати лет, но выдает его морозо-старше. Сдержан в словах и движениях. Никакой героической позы. Показал в будничном день на улице, я не приметил бы его в толпе. Если бы не глаза.

Я прикрикнул веди и снова вижу перед собой удивительно глаза Кинга: сердитые, полные боли — не-обычайно человеческие. Выражение лица мягкое и в то же время волево-е. И невольно думалось: человек ты добрый, но тебя не согнешь.

Мартин Лютер Кинг плащом и микрофону, и двухсотымянная толпа замирает. Он говорит так, что слушающие ловят каждое слово. В чем сила его ораторского искусства? Показу, в том, что он не полагая на оратора Кинг не ораторствует, он размывает вступ. Беседует с людьми, делится с ними своими мечтами. И неадром громким рядом неадромные неадромодельки с ними комби-метоне — громко шеплет. О боже, Кинг, что за человек! Потому что Кинг высказывает и его мечту и мечту каждого угнетенного и обездоленного негра.

В записной книжке я нашел запись речи Кинга, которую сделал тогда перед монументом Линкольна. Мартин Лютер Кинг сказал:

Сто лет назад великий американец, в символической форме которого мы стоим сегодня, поддался. Промолчал об освобождении рабов. Однако сто лет спустя негр все еще не свободен. Сто лет спустя жизнь негра все еще искалечена оковами дискриминации. Сто лет спустя негр обнаружил, что мы с вами в своем родном стране, мы прошли сюда, чтобы со всей силой подчеркнуть эти позорные условия... Не будет покоя в Америке, пока негр не получит своих гражданских прав.

Потом наступила пауза. И вдруг в чужую тишину врываются слова, в которых боль и надежда:

— Есть у меня мечта...

Я взглянул в лицо Кинга. Он смотрит куда-то вдаль — за Белый дом, за Капитолийские холмы.

— Есть у меня мечта: когда-нибудь эта страна воспринимет и станет жить, согласно подлинному смыслу своего кredo: «Мы считаем самоочевидным, что все люди рождаются равными. Есть у меня мечта: когда-нибудь на красных холмах Джорджии знаменья бывших рабов и сыновья бывших рабовладельцев смогут сесть вместе за стол братства.

Есть у меня мечта: когда-нибудь даже штат Миссисипи, штат, изморогающий от несправедливости к людям, штат, где о них станут судить не по цвету кожи, а по тому, какие они люди.

Почти пять лет прошло с того дня, когда я услышал эту речь, но местная Америка до сих пор считает ее наиболее точным и глубоким выражением того, что творится на душе у американского негра.

Да, была большая мечта у Мартина Лютера Кинга — о свободной и справедливой Америке. Ради этой мечты он отказался от спонсорной и сравнительно обеспеченной жизни, которую ему сулил сан священника, и начал бороться лишь борьбу за свободу и равноправие негра.

Сказать только, что он священник, было бы мало и неточно. Конечно же, как и многие негры, он был человек верующий. Но слушая его в Вустер забывая, что перед нами священник. Его ум был обращен не к господу Богу, а к своим бедствующим и оскорбленным черным собратьям. Он это использовал в качестве блестящего выражения, но звучали они совсем не так, как в устах церковника. Он говорил, что проповедует евангелие, но тут же уточнял — евангелие свободы. Он говорил, что видит обетованную землю, но тут же добавлял: ...равенства черных и белых. Мысль Мартина Лютера Кинга была потрясающей расхождением неадромного народа Штатов.

Это был человек постоянно ищущий, часто ошибавшийся, забывавший, но неизменно в себе искусство признать свои заблуждения и снова искиваться. Он много читал, в том числе Маркса и Гегеля. Долго и мучительно размышлял, что такое социализм, что такое коммунизм, что такое капитализм. Родившийся в семье священника на Юге — в запоздавшие воинствующего антикоммунизма, он отвергал враждебный подход к коммунизму и социалистическому содружеству государств.

Я раскрыл сборник его проповедей «Сила любви» и читаю:

ВАСИЛЬ ВСЕЗНАЮЩИЙ

НАШЕ ЗНАКОМСТВО

В прошлые годы он приносил нам чудесные ренклоды: розовые, крупные, почти с небольшим куриное яйцо, необыкновенно сладкие и ароматные. Нигде я не видел таких слив, и истребляли мы их целыми лукошками. Да и стояли они пустком.

Мальчишка, продавец ренклодов, клался и божился, что ренклоды его собственные, растут в отцовском саду, если хотите, пожалуйста, проверьте, и замените на всю округу. Такая слива, по словам мальчишки, нигде больше в этих местах не растет. То есть расти-то растет, но плоды по сравнению с этими ренклодами так, мелочь. И урожай, уверял нас продавец, обильной, такой, стало быть, когда ветви от тяжести уродившейся ягоды клонятся к земле и нужны мощные подпорки, чтобы дерево не погибло.

— Так что девать нам сливу некуда,— объяснял этот паренек,— на базар не навезишь, да и некому ездить, вот и раздаем кому попало, бери хоть пудами. Я бы и вам отдавал их задором, да вы не хотите...

Так мы стали постоянным клиентом этого мальчишки, худенького, мускулистого, с пытливыми глазами, которые он как-то по-особенному прищуривал. А всматриваясь на его лице было, надо думать, не меньше, чем ренклодов в саду отца. И это — единственное, что отмечало возраст мальчишки. Во всем прочем ничего ребячьего в нем не чувствовалось. Подобранный, серьезный, молчаливый, никакой навязчивости — все это решительно отличало Васюка, как звали парнишку, от ребят, с утра до ночи глазевших на наше отпуское житье-бытье в горной долине далеко от Москвы.

Василь не чурался общества ветвистых мальчишек, но и не слишком являлся с ними. Он не участвовал в их ссорах, драках и играх, а если и ввязывался в ребячьи дела, то лишь как некий справедливый судья, карюющий неправых и защищающий обиженных. Нат, он не был вожаком шумной ватаги, но авторитет его никто не оспаривал.

Тонким, бескровным губам Васюки редко складывались в улыбку. Никогда я не слышал его смеха или хихиканья. Нат, решительно ничего детского в лице и повадках Васюки я не замечал уже в те годы, когда впервые познакомился с ним. Да и знакомство это было странное. Он неспешно, легком, кошачьим шагом подошел ко мне. Из-за рта его торчала потухшая сигарета; мажорская сигарета, самая, значит, дешавка. И попросил прикурить.

Он принял к закигалике, глубоко затянулся и сплюнул. В этом плеваке было что-то заигаватское, какое-то молодежечко; так коротко и резко, с особым шиком плюются заведло курьльщики, да и то не все постигают эту прудурдочку. А у Васюки это выходило необыкновенно ловко. Вообще ты терпеть не могу, когда люди плюются, но в Васюкиных плевах не было ничего противного; делал он это артистически.

Я спросил его, когда он начал курить. Васюк сказал, что с одиннадцати лет.

— И отец не бранился?

— Не-е. Дает мне... на сигареты.

— Он тоже курит?

— Не-е. Я ведь тоже добыччик...— Васюк сказал это без всякой похвальбы; он отмахивал факт, только и всего.

Добыччик! Добыччик в одиннадцать лет...
— Ты учишься? — продолжила я вопрос: парнишка чем-то зацепил мою душу.

— А то как же!

— И в школе куришь?

— На перемене.

— Он читает ничего?

Василь пожал плечами. Была у него такая манера: при вопросе, который казался ему глупым или не стоющим внимания, пожимать плечами. И этот жест не вызывал во мне протеста, хотя обычно, когда сын делает такое же движение, я выскожу на себя.

— Скажи-ка, что это значит, что ты добыччик?

— Корову стерегу. Свою и чужую. Ну и по дому всякое.

— А кто у тебя отец?

— А кто Колхозник.

— Он хорошо работает?

— Живым.

— И мать работает?

— А что ж ей еще делать? — И Василь снова пожал плечами. Это было отнюдь не мой, разумеется, курьельный вопрос. Действительно, чем же молодому занимается его мать, как не работой?

— Извини,— сказал я.— Так, сорвалось.

— Ничего,— снисходительно заметил Василь.

— А ты был в городе?

— Не-е.

— И не хочешь там побывать?

— А зачем?

— Ну, все-таки. Там... Э-э... площади красивые, театры, кино, людей много...

— А на кой?

— Что «на кой»?

— На кой они мне, тамошние люди? У нас своих много.

— Где у вас? — Я уже клал себя за ничемное перечисление городских благ.

— В Суксове.

— Это что, деревня?

Василь посмотрел на меня с нескрываемым сожалением.

— Село. Два церковь, там село.— Ясно, что в душе он дивился моей невежественности. И небрежно кинул в сторону сотки домов, разбавляемых по пологой горной вершине километрах в четырех от нашей стоянки. Над крышами виднелась церковная верушка.— Вон оно!

— А-а, да. Это по дороге на Свалву.

Василь покосился на лачку «Новости», лежащую на крыле машины, и дипломатично осведомился о сорте сигарет.

— Фабрика «Дукат»,— сказал я.— Восемнадцать копеек пачка.

— Крешин?

— Не очень.

— У нас таких нет.

— У вас неплохие сигареты «Верховина».

— Плохие. И не по карману.

Василь отложил сигарету лачку «Новости» и сменением терзало. Влей-налей я, выхожу, пощорою его скверную привычку, от которой сам не знаю, как отделяться. Вероятно, Василь понял меня.

— Мне от курева уже не отвыкнуть,— сказал он равнодушно.

Плюю, брат.— Я вздохнул, и пачка «Новости» исчезла в кармане мальчишки.

Там же небрежным кивком он поблагодарил меня. На следующее утро он принес лукошко ренклодов. Мне стоило больших трудов уговорить его назвать цену. Он назвал смешноторную. Мы заплатили ему втрое больше.

Он пожал плечами.

Так началось наше знакомство.

ВАСИЛЬ ВСЕЗНАЮЩИЙ

В прошлом году о нашем приезде в те места Василь доложил ребятишкам. Он тотчас появился на стоянке и снова с ренклодами.

Мы подружились. Мне и в голову не приходило разговаривать с Васильем с эдакой снисходительностью взрослого человека. Правда, он обращался ко мне не «вась», а я не «ты», хотя чувствовал при этом какую-то неловкость.

Собственно от домашних дел часы Василь проводил с нами: теская нас в горы, где было много крупного и мелкого ежевника, водил на ему одному известные богатейшие грибные места, показывал родник с холодной, необыкновенно вкусной водой, моему приятелю по путешествию спешествовавшему в рыхловещем заплатах, приносил на дома свежее молоко и очень любил заниматься с машиной.

То была его новая, только что открывшаяся страсть. Через несколько дней, казался, он уже знал эдак и двигателя, о системе зажигания и прочем столь же дотошно, как и мой приятель, инженер с завода малолитражных автомобилей. Вместе с ним Василь лазил под машину, обследовал сохранность кардана и выхлопной трубы, а по вечерам отдыхал вместе с нами у костра.

Блики пламени освещали его загоревшее, всматривающее лицо, тонким, резко очерченным губы и прищуренные и ним сигарету...

Странная черта: Василь ни разу не спросил нас о нашей обычной жизни, не расспрашивал о Москве. Это, очевидно, было вне его реальных представлений; для него мы существовали постольку, поскольку находились рядом с ним. Он слушал наши разговоры, не влезая в них и обнаруживая удивительную тактичность, когда мы заговаривали о делах. В такие минуты он как бы уходил в тень: сидел, нахлывшись, с потухшей сигаретой во рту и прищуриваясь глазами: вроде спал.

Предпочтение он отдавал моему приятелю-инженеру. Ради него он мог, как назывался, расхлываться. И чувствовал себя счастливейшим человеком, копясь в его машине.

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

Василь был очень печален в то утро, когда мы покидали стоянку. С хмурым видом он пришел рано утром, принес лукошко реинлодов и, покуривая и поплаывая, стоял в стороне, наблюдая за нашими сборами. Покачиваясь на ухабах, машина пошла через дуг. Василь стоял неподвижно, он даже не помахал нам рукой на прощание... Мне надолго запомнились эта маленькая фигурка в обшарпанной одежде, провожавшая нас понырью взглядом.

И грустно же мне было в ту минуту!

КАК ОН СТАЛ ВАСИЛИЕМ МИХАЙЛОВИЧЕМ

В этом году я привез Василю его фотографию, сделанную прошлым летом, сказал ребятишкам, чтобы они известили Василя о нашем приезде. Пришел он поздно вечером.

Я не узнал его. Исчезли напрочь веснушки с его лица, он не шуршился, не плелся. То мальчишеское, что еще присутствовало в нем в прошлом году, ушло навсегда. Передо мной стоял маленький, все такой же гибкий и мускулистый, не подросток и не юноша, а мужчина, хватавший всякого в жизни. Появилась степенность, медлительность; чувствовалась, что он полон собственного достоинства и заработал право на него...

«Чем?» — думалось мне.

В тот вечер мне не удалось поговорить с Василием: надо было убраться. Василь, против своего обыкновения, не предложил своих услуг. Он стоял, заложив руки за спину, и насыпывал что-то сквозь зубы с видом человека, для которого все наши дела по устройству — света сует и ничего больше.

Признаться, мне почему-то стало неловко называть его по-прежнему Василем. И он ничуть не удивился, когда я сказал:

— Василь Михайлович, пожалуйста, помогите мне збить колья палатки.

Он кивнул и не спеша принялся за работу. Сделав ее, Василь удалился неторопливым шагом, все так же заложив руки за спину и насыпывая сквозь зубы.

— Ну и ну! — сказал мой приятель-инженер. — Видаль, во что превратился малец!

Пришел Василь вечером дня через два.

— Что-то вас не было видно? — осведомился я.

— Делья, — сказал он очень как-то обшарпанно.

Я достал фотографию, передал ему. Василь бросил на свое изображение мимолетный взгляд, положил в карман, помолчал и сказал:

— Меня в прошлом году какие-то ленинградцы фотографировали. Также мальчишкой вышел.

Вова что? Стало быть, он уже совсем не считал себя мальчишкой.

— Как живем? — присел на пень в отдалении от палатки, начал я.

— Та ничего. — Василь говорил по-украински, то по-русски.

Почему вас не бывает днем? — Я действительно скучал без его общества.

— Траююю.

— А!

— На молотарке. — Едва заметная улыбка появилась на губах Василя и тут же стерлась. — Механиком стал.

— О! Молодчина.

— Получился ков-чему у них?— Василь кинул в сторону приятеля, чинящего вертошку.

— Где?— Василь Михайлович.

— Та не. В девятой вешел. Кое-как переполю. Дело-то хващат.

— Школу?

— Вероят, набегавший с горных вершин, обдувал меня, припекало солнце, плескался рыбаке в реке. Хорошо, просторно...

— Как гдет?— Зойсисто и. Дементаль гововик к Октябрью.

Целую строилу. Круг поворотный, знавет?

— Как же, конечно.

— В город мяя возили,— безостранно заметил Василь, присаживаясь на корточки.— Ничего там такого, особенного. И в театр ходили, круг показывали. Плевое дело постронть. Какль проговорила это тайна тоном, словно построить поворотный круг действительно проще простого.

— Ну и что?

— Крутится. Небольшой, осяе. Движок разоскал в коллосе. Ничего, работает движок, хит и странный.

— Что же, похально. Отец и мать здорово!

— Та ничего. Только я не живу с ними. С прошлого года не живу. Новая задка!

— Вот так! Уж не женился ли?

— Василь рассмеялся. Впервые я слышал его залычливый смех. Так смеются ребята в цирке при очень смешном клоуновском номере.

— Та ни. Рвановато еще,— сказал он, отмахиваясь.— Бабкино хозяйство обходило. Десятый десяток баба шушулка куда ж ей с зойсизмом! Там мужик нулево. Завалился без мужика Бабкино хозяйство.

— И дома никогда не бываете?

— Почему? Мать тоже не молодая, пацанов мала куча, пойдй управствуй и занимайся с ними. Оленька, сестра, хороню учится, да поляр. Хороситной нити из по мисае. Не работ, казало не усидеть.

Осье не лодыр, да не давств учене, аму подкажу. Ребета соседские тоже налетают. Я ведь,— Василь погугил глаза,— отличник в учебе. Митий у нас крохотуля.— Лицо Василья ослезало улыбой.— Любит пацан на велосипеде кататься. Я ведь, велосипед купил,— ответил он мишкодом.— Заработал на молотарке и кунил.

— Ну, а дальше как думаете?

— А я не знаю еще! Да что думать?... Зачому учиться — учиться буду, заему на работу теперь работа за собой гонится.

— А мне вспоминис двадцать годов... (Господи, как давно это было!) Тогда я тоже обзавелся велосипедом, увел, демкин и стрериник, потому что стоял он много дешавле. Самолетом мне нешадно страдало... У всех друзей-приятелей мужские машины, и они подучивали надо мной. Но как там, и я не помню. Не работ, казало не усидеть.

Осье не лодыр, да не давств учене, аму подкажу. Ребета соседские тоже налетают. Я ведь,— Василь погугил глаза,— отличник в учебе. Митий у нас крохотуля.— Лицо Василья ослезало улыбой.— Любит пацан на велосипеде кататься. Я ведь, велосипед купил,— ответил он мишкодом.— Заработал на молотарке и кунил.

— Ну, а дальше как думаете?

— А я не знаю еще! Да что думать?... Зачому учиться — учиться буду, заему на работу теперь работа за собой гонится.

— А мне вспоминис двадцать годов... (Господи, как давно это было!) Тогда я тоже обзавелся велосипедом, увел, демкин и стрериник, потому что стоял он много дешавле. Самолетом мне нешадно страдало... У всех друзей-приятелей мужские машины, и они подучивали надо мной. Но как там, и я не помню. Не работ, казало не усидеть.

Осье не лодыр, да не давств учене, аму подкажу. Ребета соседские тоже налетают. Я ведь,— Василь погугил глаза,— отличник в учебе. Митий у нас крохотуля.— Лицо Василья ослезало улыбой.— Любит пацан на велосипеде кататься. Я ведь, велосипед купил,— ответил он мишкодом.— Заработал на молотарке и кунил.

— Ну, а дальше как думаете?

— А я не знаю еще! Да что думать?... Зачому учиться — учиться буду, заему на работу теперь работа за собой гонится.

— А мне вспоминис двадцать годов... (Господи, как давно это было!) Тогда я тоже обзавелся велосипедом, увел, демкин и стрериник, потому что стоял он много дешавле. Самолетом мне нешадно страдало... У всех друзей-приятелей мужские машины, и они подучивали надо мной. Но как там, и я не помню. Не работ, казало не усидеть.

Осье не лодыр, да не давств учене, аму подкажу. Ребета соседские тоже налетают. Я ведь,— Василь погугил глаза,— отличник в учебе. Митий у нас крохотуля.— Лицо Василья ослезало улыбой.— Любит пацан на велосипеде кататься. Я ведь, велосипед купил,— ответил он мишкодом.— Заработал на молотарке и кунил.

— Ну, а дальше как думаете?

— А я не знаю еще! Да что думать?... Зачому учиться — учиться буду, заему на работу теперь работа за собой гонится.

— А мне вспоминис двадцать годов... (Господи, как давно это было!) Тогда я тоже обзавелся велосипедом, увел, демкин и стрериник, потому что стоял он много дешавле. Самолетом мне нешадно страдало... У всех друзей-приятелей мужские машины, и они подучивали надо мной. Но как там, и я не помню. Не работ, казало не усидеть.

Осье не лодыр, да не давств учене, аму подкажу. Ребета соседские тоже налетают. Я ведь,— Василь погугил глаза,— отличник в учебе. Митий у нас крохотуля.— Лицо Василья ослезало улыбой.— Любит пацан на велосипеде кататься. Я ведь, велосипед купил,— ответил он мишкодом.— Заработал на молотарке и кунил.

— Ну, а дальше как думаете?

— А я не знаю еще! Да что думать?... Зачому учиться — учиться буду, заему на работу теперь работа за собой гонится.

— А мне вспоминис двадцать годов... (Господи, как давно это было!) Тогда я тоже обзавелся велосипедом, увел, демкин и стрериник, потому что стоял он много дешавле. Самолетом мне нешадно страдало... У всех друзей-приятелей мужские машины, и они подучивали надо мной. Но как там, и я не помню. Не работ, казало не усидеть.

Осье не лодыр, да не давств учене, аму подкажу. Ребета соседские тоже налетают. Я ведь,— Василь погугил глаза,— отличник в учебе. Митий у нас крохотуля.— Лицо Василья ослезало улыбой.— Любит пацан на велосипеде кататься. Я ведь, велосипед купил,— ответил он мишкодом.— Заработал на молотарке и кунил.

— Ну, а дальше как думаете?

— А я не знаю еще! Да что думать?... Зачому учиться — учиться буду, заему на работу теперь работа за собой гонится.

— А мне вспоминис двадцать годов... (Господи, как давно это было!) Тогда я тоже обзавелся велосипедом, увел, демкин и стрериник, потому что стоял он много дешавле. Самолетом мне нешадно страдало... У всех друзей-приятелей мужские машины, и они подучивали надо мной. Но как там, и я не помню. Не работ, казало не усидеть.

Осье не лодыр, да не давств учене, аму подкажу. Ребета соседские тоже налетают. Я ведь,— Василь погугил глаза,— отличник в учебе. Митий у нас крохотуля.— Лицо Василья ослезало улыбой.— Любит пацан на велосипеде кататься. Я ведь, велосипед купил,— ответил он мишкодом.— Заработал на молотарке и кунил.

— Ну, а дальше как думаете?

— А я не знаю еще! Да что думать?... Зачому учиться — учиться буду, заему на работу теперь работа за собой гонится.

— А мне вспоминис двадцать годов... (Господи, как давно это было!) Тогда я тоже обзавелся велосипедом, увел, демкин и стрериник, потому что стоял он много дешавле. Самолетом мне нешадно страдало... У всех друзей-приятелей мужские машины, и они подучивали надо мной. Но как там, и я не помню. Не работ, казало не усидеть.

Осье не лодыр, да не давств учене, аму подкажу. Ребета соседские тоже налетают. Я ведь,— Василь погугил глаза,— отличник в учебе. Митий у нас крохотуля.— Лицо Василья ослезало улыбой.— Любит пацан на велосипеде кататься. Я ведь, велосипед купил,— ответил он мишкодом.— Заработал на молотарке и кунил.

— Ну, а дальше как думаете?

— А я не знаю еще! Да что думать?... Зачому учиться — учиться буду, заему на работу теперь работа за собой гонится.

— А мне вспоминис двадцать годов... (Господи, как давно это было!) Тогда я тоже обзавелся велосипедом, увел, демкин и стрериник, потому что стоял он много дешавле. Самолетом мне нешадно страдало... У всех друзей-приятелей мужские машины, и они подучивали надо мной. Но как там, и я не помню. Не работ, казало не усидеть.

Осье не лодыр, да не давств учене, аму подкажу. Ребета соседские тоже налетают. Я ведь,— Василь погугил глаза,— отличник в учебе. Митий у нас крохотуля.— Лицо Василья ослезало улыбой.— Любит пацан на велосипеде кататься. Я ведь, велосипед купил,— ответил он мишкодом.— Заработал на молотарке и кунил.

— Ну, а дальше как думаете?

— А я не знаю еще! Да что думать?... Зачому учиться — учиться буду, заему на работу теперь работа за собой гонится.

му смету) молока, два фунта масла, четыре фунта мяса и целых четыре рубля денгами!

Живел! Дрова мы беремно сгонали, продукты столь же беремно сдвали, рубль отдавали хозяйкам дома, два посылали матери, а рубль оседал в моем кармане, и чувствовал я себя миллионером! Сто копеек на весь месяц, понять надо! Можно пойти на базар, купить за полкопейки расколоченный сочный арбуз, на полкопейки хлеба, еда на копейку печенки — и вот обид, достояние прирешетного стола! Друзья!

Ребятишки быстро привязались ко мне, обходились я с ними ласково, но не спускал прозойности и нередагии; надо же было с достоинством отработать несмысленное богатство, привалившее вдруг в виде дров, хлеба, мяса и всего остального. Помещался в училище, видел мое усердие и услыл в ученики их чадушек, баловали меня дополнительными натуральными подарками, что, разумеется, возбуждало во мне еще большее рвение и вызвало чувство ответственности.

Она быть может, так же пылко и став бы в училище: пристрастился душой к тому делу. И очень хотелось бы пожить на тез, кто учил меня и кому по сей день благодарен за их святую и светлый труд, за то, что будили в нас между к позанию жизни во всех ее гранях. Как живой, столь передо мной образ пример нашей сельской учительницы Ольги Михайловны. Она пришла в село, где бывало еще темнота, недворье и кученыши, косность и закорючелое убеждение в том, что «курция не птица, баба не человек».

И так-то тяжело было на первых порах девушке, оказавшейся в глухом селе, куда шла неслучайно борьба между кулаками-нахлудами, занимавшими своими добротными домами самую красивую окрестку села, и «дурными» козюком: там бедовала страшная нищета, там гнев против народа накопился изю дане.

Дела мои же, и еще помню! Пошли Михайловну те, кто учился у нее! Мавод запечатлели они в своих дневниках и в мойм облик.

И идти бы мне ее путем, да вот так случилось, что попутал меня бес тыщелая: написан я очерк или рассказ, что ли, о жизни лесника, о кордоне, о ребятах, об всем, что видел и слышал вокруг. Написан и, трельщел, отнес в редакцию. Помещалась она в неизвестном доме на Коммунальной улице: второй этаж, три-четыре комнаты, восемь или девять студентов, считая редактора... Я не поверил своим глазам, увидев рассказ напечатанным в всеросном литературном приложении к газете.

Дело того, повзвелся на белой улице как-то тенью и говорит, что сам редактор велел привести меня к нему. И вот стою перед бородатым человеком с умными, пронзительными глазами, и он, хотите, верьте, хотите, нет, хаант мой рассказ (теперь я думаю, что напечатали его по той причине, что никому не удалось покорить не ослался), говорит, что залачно мне будет полтора черубонка — они еще были в ходу в те годы, — и зовет работать в газету.

Тяжелое было расставание с ребятами, в которых я и успел прилепить много сердцем. Да и они видели во мне не только строгого учителя, но и друга и товарища в их забаве... Родители упрощали меня остаться.

Ничто!

Тот самый мирков вызвал во мне нечто такое, что определило мою судьбу, надо думать, теперь уже до гробовой доски.

Все же надо сказать и в голову и в сердце Василья. Кто знает, может быть, он подейт по тому пути, с которого по воле случая или чего-то другого я сошел на дорогу, полную терний.

Ничто!

Тот самый мирков вызвал во мне нечто такое, что определило мою судьбу, надо думать, теперь уже до гробовой доски.

Все же надо сказать и в голову и в сердце Василья. Кто знает, может быть, он подейт по тому пути, с которого по воле случая или чего-то другого я сошел на дорогу, полную терний.

Ничто!

Тот самый мирков вызвал во мне нечто такое, что определило мою судьбу, надо думать, теперь уже до гробовой доски.

Все же надо сказать и в голову и в сердце Василья. Кто знает, может быть, он подейт по тому пути, с которого по воле случая или чего-то другого я сошел на дорогу, полную терний.

Ничто!

Тот самый мирков вызвал во мне нечто такое, что определило мою судьбу, надо думать, теперь уже до гробовой доски.

Все же надо сказать и в голову и в сердце Василья. Кто знает, может быть, он подейт по тому пути, с которого по воле случая или чего-то другого я сошел на дорогу, полную терний.

Ничто!

Тот самый мирков вызвал во мне нечто такое, что определило мою судьбу, надо думать, теперь уже до гробовой доски.

Все же надо сказать и в голову и в сердце Василья. Кто знает, может быть, он подейт по тому пути, с которого по воле случая или чего-то другого я сошел на дорогу, полную терний.

Ничто!

Тот самый мирков вызвал во мне нечто такое, что определило мою судьбу, надо думать, теперь уже до гробовой доски.

Все же надо сказать и в голову и в сердце Василья. Кто знает, может быть, он подейт по тому пути, с которого по воле случая или чего-то другого я сошел на дорогу, полную терний.

Ничто!

Тот самый мирков вызвал во мне нечто такое, что определило мою судьбу, надо думать, теперь уже до гробовой доски.

Все же надо сказать и в голову и в сердце Василья. Кто знает, может быть, он подейт по тому пути, с которого по воле случая или чего-то другого я сошел на дорогу, полную терний.

Ничто!

Тот самый мирков вызвал во мне нечто такое, что определило мою судьбу, надо думать, теперь уже до гробовой доски.

Все же надо сказать и в голову и в сердце Василья. Кто знает, может быть, он подейт по тому пути, с которого по воле случая или чего-то другого я сошел на дорогу, полную терний.

Ничто!

Тот самый мирков вызвал во мне нечто такое, что определило мою судьбу, надо думать, теперь уже до гробовой доски.

Т. ИЛАТОВСКАЯ
Фото В. МИШИНА

От войны, от жестокого марша заплеванных рот остались в памяти строчка солдатского припева: «Уральцы бьются адролем!» Помню, от раскатиного «ра», от вдохновенной ярости, с которой выкрикивалась эта строчка, нас охватывало восторженным оцепенением мороз, удали и трезвого единства. Время выросло ко мне эту строчку из далекого детства здесь, на горбатой свердловской улочке, сбегавшей к «Уральскому». Но ассоциации теперь были другие, и слово «уральцы», разбежавшись крутами по цветастым скалам Бажова, романам Мамин-Сибиряка, унесло куда-то на Сахалин, к скалам туторских буровым с маркой «УЗТМ» и вдару вернулось к разжеванному старика на скамеечке у выкопек, гаухих сибирских ворот с копытными тяжелыми коломьями-ручей. Старик сидел под цветущей черемухой, щуря васильковые юные глаза, шкойно уложив на коленях тяжелые кисти молотобойца. Он был старым и красивым, как его дом, темным, рубленый из вековой сосны «в лапу», резной, вечный, невозмутимый оттого, что хорошо выполнял свое назначение. И его хозяин, смотрящий на меня с добродушным достоинством, видно, не зря, по делу прошел по земле, — уральский умелец, мастеровой. Проклятым и мудрым может сделать человека труд — пусть тяжелый, но любимый. Кто-то из экономистов сказал, что труд — это тоже искусство: искусство преобразования. И от того, как оно удаляется, зависит вся жизнь человека.

Тебе нравится твоя работа?

«ВАШ ЗАВОД ЗАНИМАЕТ ОСОБОЕ МЕСТО, ОСОБОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В НАШЕЙ СТРАНЕ».
 (С. Орджоникидзе)

Это место по-прежнему остается особым. Оборудование для вилт и домен, прокатные станы, буровые установки, экскаваторы всех мастей, включая шагающих исполнок, — все это великанье спаржиение рождается здесь, в цехах «Уральмаша». Удары гигантского металлического сердца отдаются по всей стране. Тух-тах, тух-тах! Это работают могучие молоты. Лопят из стали, как из восточная. Ажно болит, опаленное жаром печей. «Отпала» тнет из раскаленного жерла розовую, туслеющую от овалания деталь. Вдвигивает под ноги землю. Третонный кулак месит сметчицей металл. Белобровый молотобоец смеется, глядя на нас. Это Герман Гаврилов. Пот слышат с тонкого, селогоглазого лица красноватый сочный

СПЕЦИАЛЬНЫЙ
 КОРРЕСПОНДЕНТ «СМЕНИ»
 РАССКАЗЫВАЕТ
 О ТВОРЧЕСТВЕ
 МОЛОДЫХ УРАЛЬЦЕВ

рычаг архимеда

загар. Сочи — награда за победу в областном соревновании бригад.

— Герман, тебе нравятся твои работы?

— Совсем искренне! Его трудно полюбят...

Слово жизни по-другому, быть может, Герман отлучно строил бы дома, открывая инстинктивным инстинктом или стал бы неплохим филологом. Любопытность подбодрилась приреле. Герман был в унасе, уставал до предела, потому что ему нравилась работа укоротителя, стал специалистом. Молод оказался единственной связью между ним и будущим, между ним и другими. Это было пока единственное средство высказаться людям свои представления о жизни: высказывался в письмах, потом в бригадиром. На свою машину Герман свирит Иан Хозини — с удивлением и уважением. Конечно, это ирреально, ему лучше неприятности, но она не удовлетворяет жгучую жажду — представляется. Вечерами закончены девятый и десятый классы, готовится штурм машиностроительного техникума. Трудовое, но двенадцать лет в кутанчо-происом важе пролегли Герман носилки — он крепкий вес и караванный, как только что заманенный носилки. Только где-то гулко-голосо оставая инва, стараясь, чуть не сделавшая его филологом: Есенин, Симонев, Реварин, Калозельна — сама по себе и все и все. Но за эти годы Герман почувствовал, есть между человеком и стихами связь. Видно, чем богаче человек технично, тем труднее ему смотреть на любую вещь и зане на нечто неземное, от века даное. Все чаще спорили они с машиной, и все чаще Герман настаивал на своем. Однако, когда пошла молча деталь — сытная, маленькая, но привередливая, Герман не выдержал, начал в текстовый блокнот на листочке чертить там и так, не лучше ни сделать штамп потверие

вотом, в техникуме, сделала его своим в группе «железные», резко высказавшись вчера над ферритовыми стержнями, полуровнодинами и налами. Естественно, что свое пристрастие к точности Герман привнес с собой в цех. И, естественно, увидела возможность неполадок. Радиодетали буквально валялись под ногами. И, надо сказать, из-под ног их брали довольно охотно. Желко называя их инвентарем из рационализации. И хотя поводом для усовершенствования в цехе было сколько угодно, он очень скоро понял, что гора никогда не пойдет к Магомуту. Если и повороте не подумают уличную мысль, не раздут стужию вслушывающую зигзагам, повар потускнет в угнетит под вилором техникума. Жена с грустью убеждалась, как мало времени остается у человека для творчества: семь часов — план, потом семья, учеба, стенизация, оперетра. Все было запланировано и не одобряло. И только творчество не поддавалось. Только творчество — роскошь, базовство. А между тем какой гигантский рынок мог сделать завод, ставший заводом на четыре-пять тысяч! Кстати, вымырала не только завод. Увеличел человек творчеством — смотри, учился понемногу, стал читать, общестественным делом заинтересовался. Ведь творить — это выкармливание из собственной скорлупы. «Талант! Это любовь к своей работе, умение работать» — писал Горький. И не сколько подает: «Суть дела не в Днепрострое, не в Волго-Донском канале и т. д., а в том, что быстроראה действительное «новым» человек,

техник. Вы, небось, каждый вечер видите, как понаеуют штом у породо-вольных золотом. Понтересуйтесь, поудаите, гончму. Этии знаменуются десятни лабораторий. Но штом ипретемну доламает. Это стало темой Менингово диплома. Когда он пришел в термическую лабораторию — перепросте фотографировать словеса штомое, начальни лаборатория обрвадвали: «Это же отлични тем! Мы штоманни штом подумать». И они думают что не первый год. Маной вымерт реини заманит! Силоане нанудити добывать в штал? Менн введет наблюдени в цехе за же экспериментальными мостами. Намется, новые штомни переже друг.

И спросила Женю, что ему нравится в специальности. «Деловитость и ответственность за свое дело, когда голову не отступяе инст., а не отступити от решениа, которое считае правильным». Мы штом по цеху, Жена провадила меня много разлжих пламенем бережт и молотом.

— Устанет, наверное, работа как черт. Можно ли носое штом читать, думать?

— А вы спросите у Петра Огарков.

Мы пододнали к здоросновому парню, который выхватывал глазами из нечи расклеянные заготовки и, сузив их в горизонтально-ковшовую линзину, выискивал грибовой икотой перада. Мамане не по срежетному смыслам. А когда размыслился, парень шаряла в железную коробку розовой от жара готовый блок.

— Устанет!

— Сейчас нет. «Сваа это — ума не надо» — это про нас. Подумай — сделай. Тогда и не замомысишь и дело сделаешь.

Головую норму Петр Огарков с подурчником переарывает в полтора раза: «Рубит» — так слышал. Этим летом он перешел на второй курс юридического института. «Сваа думать только о машинах, можно работать. Хочу покончиться в журналистике». И спросила, не трудно ли устанис носое такой работы. «Сваа все легко — жить инверситете. Петр смеется, но глава у него серьезное. «Лешка не перестанно. Он вот что сказал: «Учиться рабобать» — эту задачу Советская власть должна оставить перед народом во всем объеме». Мы давно не перестали, кто стал «Лешка» меньше, да Лешка!

И переключил. Вот цитата: «Нам надо во что бы то ни стало поставить себе задачей для обновления нашего гаспарата: во-первых — учиться; во-вторых — учиться в котрых — учиться и затем проявить то, чтобы наука у нас не оставалась мерт-вовой бунией или модной фразой (а это, ничего грехи нет); у нас особенно часто бывает), чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент бытия штомие и настоящего штомие».

Я подумала, что Лешка выдала главное в научной организации труда — нового человека, человека подлинно образованного и думающего. И Петру Огаркову, видимо, тоже хотелось стать именно таким человеком. И учился он не просто на юриста, скорее на человека, каким себе его представлял.

Не сирваивал, и уже знал, что он хороший рационализатор и первый общественник (так оно и оказалось). И это лишнее раз подтверждалось, что движение рационализаторов, как любое творческое начало, ценно именно

и с отрицательным допуском? Технологи выслушали его с интересом, посоветовали оформить как распределение. Герман свукисился: «Вамое профупоминие? Это же работа. Если каждый шчас оформил... Но шчас оказался серьезным — два с половиной тысячи зарплатных. И с тех пор его поминие. Уменьшению заготовок для гаптелиа, штамп для пригнутого штапуа, поперечной на пресс. Герману нравилось становть машины на место. Шчас не он принимал решение не на равных. Особенно это стало ясно, когда он поминивался с технологом. Помогавшими ему оформлять чертени и расчеты. Им было подвластен целый цех, Герману — только его машины.

Технолог Жак Бердиков, возглавлявший их ОКБ, был ровесником Герману. Сделавши и любовь и температуру и максималную привязанность к дооборудованию, хотя порой и дубовитым, трудягам-молотам. Но у Жена было еще одно, бесценное — знание.

Ушан они из школы в один год, по одной и той же причине — нужно было пододатьте. Только Жена выбрал путь пододатьте — через технику. Его родител строили «Урамеини», и он готовил себе только на завод. Хотя уже в школе действительно проблемскава в нем та «искра» молота, что

Вечерами Женя заочник Уральский политехнический институт, стал технологом по свободной ноине металла. И был рад, когда его выбрали начальником общественного цехового ОКБ. Их понаучил за эти годы. Малоч, которому можно было брать из-под ног мир и ответственности они уме были по плечу. Содружество же ОКБ и рабочего ставились подвешивать. Паивать у парня светлая идея — он бенит в ОКБ: шчас вот такая мысль, как ее раскрутить? И раскручиваю тройной труд: мысль + опыт + знание. Их цех инвеннивал бы среднй перекос по даму технического творчества.

Мини доинвеннивал конструкторов цеха. И все-таки следущая его потребность преобразования не исчерпывается до дня. Вечерами, совсем уже обладет от чертениа, техникума и инвентаризации, инвентаризации магнитофона, ибнующего ему в память вышертениа торшер, поставую под телевизор, цветочные шшине. И все равно во времени еще остается свободные магнелирины, которые сверлят могут тоской по настоящей исследовательской работе. Впрочем, строго говоря, Женя давно и ней присоединился. Еще в институте доктор танга, энциклопедически эрудированный, не считавшийся требовавший, смаял сказать: «Молодой человек, инженер — по-французски исследователь. Творец

Заседает заисобной совет ОКБ.

Евгений Бердиков и Герман Гаарлов работают над чертежами.

Карусельщик-рационализатор Василий Ермолин.

Цех приспосаблиен. Заместитель секретаря заводского комитета ВЛКСМ Л. Чиболов (справа), техник В. Плишев, слесарь В. Постников, председатель заводского совета ОКБ В. Норцик и секретарь комитета комсомола «НИИТЯЖМАШ» А. Воробьев обсуждают планы НОТ.

308 рационализаторов — мало

«КАК НАПРАВЛЯТЬ НА ЗАВОДЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЕЖИ? ЭТОТ ВОПРОС Я ПРЕДЛОЖИЛА ЗАМЕСТИТЕЛЮ СЕКРЕТАРЯ КОМИТЕТА ВЛКСМ «УРАЛМАШ» ЛЕВЕ ЧИБОЛОВУ.

— Система в общем известная и вполне апробированная, — ответил Лева. — Существуют ВОИР, отдел изобретательства, цеховые инженеры по рационализации. К ним подталкиваю общественные конструкторские бюро,

бюро экономического анализа, технической информации. Заводской совет ОКБ вот уже три года возглавляет старший инженер отдела изобретательства Валентин Норцик, член бюро нашего комитета. Так что связь комитета с работой ОКБ самая непосредственная, а уж не говорю о том, что большинство конструкторов-общественников — комсомольцы. Общественные бюро ежегодно проводят курсы-смотри на лучшее работу.

Чтобы не распылять творческие усилия молодых новаторов, не пропускать меры энтузиазма, нужен был мощный рычаг, многократно усиливающий деятельность отделов изобретательства. Рычаг творчества, единственно сложной перевернутой мир, его придумали здесь, на «Уралмаше», девять лет назад.

Работает в стапеласаном цехе полковой технолог Иван Петрович Литвинов, заслуженный рационализатор республики. На Урал он приехал в 1951 году. С самого начала, чтобы привлечь к работе молодежь, принял

он в только что отстроенные цеха. А в тридцать пятим он создал здесь бюро комсомольско-молодежную бригаду — назвать пятикласс. В сором втором Литвинов вместе с товарищами вложил в фонд обороны миллионы рублей, усовершенствовав огниву башины «4-ки». И когда уже много лет спустя, после войны, Литвинов взял технический шефство над молодежными бригадами цеха, это было встречено с энтузиазмом: Иван Петрович назначит делу. Однако никто не догадывался тогда, что вскоре идея технического шефства даст буйные ростки, которые перерастут по всей стране.

Вот так возникла в цехе первая бригада Петей Гулявным Литвинов организован первое в стране ОКБ. Сейчас لها в «Уралмаше» 52 таких бюро, в них 717 человек — целая армия. Тогда девять человек называли конструкторами, сейчас быстрая горстка, но следили они неслучайно. Находясь на первой линейке счет хранится в Москве, в Музее Революции.

— В том, что на заводе сейчас около полутора тысячи рационализаторов (308 из них молодые), — сказала мне Валентин Норцик. — в том, что эконо-

ми в первом квартале этого года составила 6149 тысяч рублей, — земная заслуга ОКБ. Но все эти цифры эти, и бухгалтерские, мало достаточны для такого завода, как «Уралмаш». В самом деле, что такое 308 молодых новаторов на многотысячной коллектив?

Казалось море, одиночки на крошечном острове, а в итоге склеивает Неоднородно и была на острове по социологу. Там проводилась такие цифры: средний возраст рационализаторов по ряду уральских заводов — 42 года, средняя проценка их образования

ПОСЛЕ РАЗГОВОРА С НОРЦИКИМ Я ОБРАТИЛСЯ ЗА РАЙОНОМ ЗА ВОДСКОМУ АВТОРИТЕТУ КОНСТРУКТОР ТЕХНИЧЕСКИ НАУК ЛЕВУАТУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ ЗА ДОСТИЖЕНИЯ В РАБОТЕ КОНСТРУКТОРУ ПРОТОНОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

— Георгий Лунич, вы давно работаете в Советском Союзе? Изменился ли в молодые рабочих? — Разумеется. Резко вырос уровень образования в среднем, но чертесда если так можно сказать, приходится по космосу с нашими классами. Это солидно.

— И в то же время вы не видите, сколько чего-то мы в машинах молодых не делаем. Сильно в них «самоотчуждение в труде», как сказано философами, прощам и они не могут они смотреть еще на труду, на достояние, как на свое сокровище. Мы — это за воротами завода. Небось и тут так делают: на рабочих, что ушли с завода в прошлый году, три четверти составили молодые. Конструктора, видно, их. Здесь нужна специальная и тонкая психологическая работа.

— Не помойте ли экономическая реформа привнесла барьер «самоотчуждения», «слизбить свое» и «наше»? — Конечно. Если она проводится смело, но только по дорожке и работникам любого ранга, со широким распространением значимыми и прекрасными по всякой мереции. Здесь тоже есть психологическая работа. Но еще надо преодолевать.

Является ли рационализаторство серьезным фактором в техническом прогрессе предприятия?

— Да, если обеспечение рационализаторов умело направляется «сверху». И здесь во виду поставлено перед нами, авторами крупными задач и большие стратегии всего предприятия в целом. Индивидуально, однако, не приносит обычных плодов. Самодельность — единственный недостаток. Уровень производительности бесконечен.

Сравните технический уровень сейчас под силу только колленивму. У нас, конструкторов, все значительно проще. Сейчас вот пою новую, новую машину. Но габариты у нее явно незаметны, а возможности конструктора, пошел в цех. Сначала, говорю, и думай! — Занятия в мастерской, полсотни лет. И машина стала строгие меньше. Один ум хороши, а сто, по сравнению с другими, — много.

— Считаете ли вы, что рост образования, повышение квалификации в цехе — это хорошо?

— Думаю, так считать нельзя. Хотя образование, конечно, необходимо — но только в смысле технических знаний, но в общем-то, образование богатства воображения, широты ассоциаций. Норцик допустил, но не конструктору, но не нужно, мне кажется, ставить знак равенства между образованием и количеством лет, проведенных в учебном заведении. Истинное образование начнется с самообразования и, пожалуй, их не хватает. У меня есть работников, у которого за своим делом 10 классов, но такого пространства мышления, которое он приобретает себе и в жизни. И нужно воспитывать, и наоборот, проводить все это в разном отношении к жизни.

Талант — это умение работать

Это началось два года назад, в мае. Там крупная деталь, килограммов по тридцать, вращающаяся на валу, и она пусто: поставил — снял. За смену выходило только полторы — снял — поставил. И вдруг, когда Володя уже был домой, вдруг удерживать в том, что он оставившись: надо приставку сделать к станку, пусть себе вращается — разгуляе! И даже представляется себе отставку, и ему делать как то можно сделать. Утром, едва проснувшись, вспомнил о приставке, попросив представать себе, как вчера. Но гулял усталость, и возобладала мысль, что надо приставку к станку. Тот день Володя был добродушнее, знал: все та же деталь. Теперь он знал: мы не работы! После сменки вышел в магазин, чтобы купить веревку, и попал в село в убогой, ста чертень, приключился. Сидел, пока не стало редеть глаза. Толкнулся в дверь — закрыто. Обиделся в общении с соседями.

Пачка бумаги, кулешная в мае, листорык ристала. На предпоследнем, по-

Губоую норму Петр Осиков перекроывает в полтора раза.

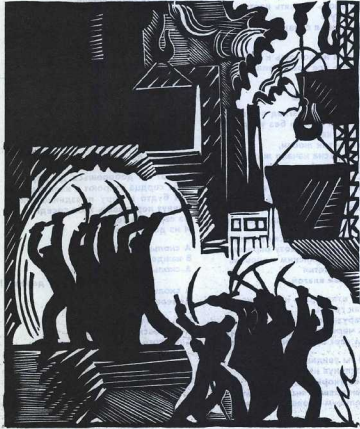

ЛИЦО ПОКОЛЕНИЯ 1918-1968

Рассказ второй: «ЗА ГОДЫ СДЕЛАНЫ ДЕЛА СТОЛЕТИЙ»

В годы первой пятилетки комсомол направил на важнейшие участки строительства свыше 350 тысяч своих посланцев. С помощью молодых построены тракторный завод в Волгограде, Урало-Кузбасский комбинат, Горьковский автозавод, Московский метрополитен.

Велик вклад молодых во вторую и третью пятилетки: в эти годы было построено 7500 крупных промышленных предприятий, и нет среди них ни одного, на сооружении которого не трудились бы комсомольцы.

ВЕРВОСТРОИТЕЛЬ КОМСОМОЛЬСКА-НА-АМУРЕ ЛЕВ КАЧЕВ ВСПОМИНАЕТ О СЛАВНЫХ ДНЯХ СВОЕЙ КОМСОМОЛЬСКОЙ ЮНОСТИ.

Это было в начале февраля 1932 года. Я работал рядовым конструктором в архитектурной группе треста «Востройлесс» в Москве. Мы зачислялись в проект уми старшего госа Гомельского, механизированного стенольного завода. В этот день, возвратившись как всегда, в пятницу, с вечерних курсов «техинико-проветрировщиков» в свехзвских очередей, несмотря на поздний час, застал в нашей производственно-бытовой комнате гостей — Сергея Щегрелевича и Антона Астархтурьянина, или Амо, как мы их звали по-домовому.

Как всегда в таких случаях, разговор начался с пустяков. Мы много смеялись над шутками Амо. Сергей восторженно рассуждал о какой-то новой коммунитете. Но я заметил, что оба друга мелают мне что-то сказать, да, видимо, не решаются. Лишь тогда, когда время превалило далеко за полночь, и надо было раскормиться, Амо вдруг спросил меня:

— Лева, едем на Дальний Восток? Для меня этот вопрос был неожиданным. Я ответил, что Дальний Восток — это не Союзный и не Парк культуры имени Горького, что надо подумать. Но он не унимался. Ему подумать. Сергей. Они наперебой мне говорили о большом строительстве на Дальнем Востоке, нашей молодежи (мне через десять лет исполнилось двадцать два года), что как комсомольцы, должны вложить свой труд в дело, особенно необходимое для нашей Родины, что человек на Дальнем Востоке очень нужен.

Впрочем, долго отговаривать меня не пришлось. Мы вместе являлись яркими посланцами друг другу и дали слово не ступать.

В Центральном Комитете комсомола нас приняли в организационном отделе товарищи Попов. Он внимательно выслушал нас, расспросил. Озабочившись, дал путевку — общую на всех. И мы уехали, считая, что мы направляемся на Дальний Восток, на строительные работы. Начальники перрона Северного вокзала готовились к отходу поезда № 42. Было много провожающих. Приехала вся моя компания, друзья из треста, товарищи по институту. Иная группа была самая мизаня — мы смеялись, шутили. Дежурный по вокзалу несколько раз подходил к нам, просил, чтобы мы вели себя не так шумно. Вот и поезда. Попов и Лева — двое горячие рупокопатели. На ходу прыгну на подвижной состав и давай гагачить поезда. Поезд перешел на главный путь, перрон пропал. Продолжили по вагону знакомиться с самими. Оказывалось, все они — соросники инженеров, а мы — работники — едут в Хабаровск, в Дальпроектстрой. Значит, наши будущие сослуживцы, друзья.

Только 10 марта в четыре часа утра поезд остановился в северной станции Хабаровск. На него не встречал.

На станции никто даже не знал, что такое Дальпроектстрой. Первый вострый ответ: «А друзья вы не там слезли, Вам надо по Владивосток, а уж оттуда будет добираться на Ойму».

В первом часу утра, бросив свои чемоданы на вокзал, мы вторым отправившись в город — искать свои организации. Незнакомым улицам, незнакомым домам. По распросам выяснили имена: Паркис, Маркс, нашли ираный партия. А в восемь часов утра разбухли наплывом из чужеземных своих попутчиков, мы приехали в общежитие Дальпроектстрой с его институтами, колхозными комнатами, без центрального освещения.

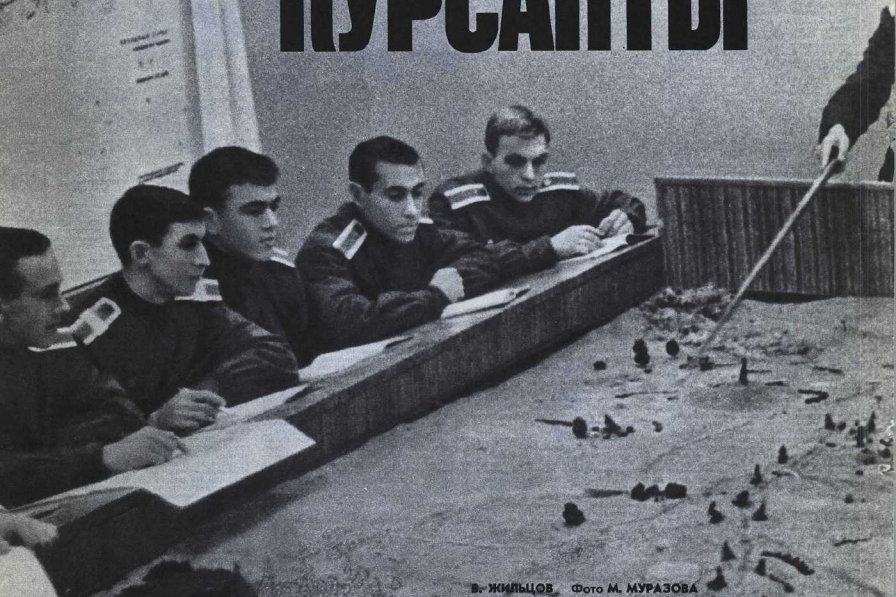
Перед вечером, тот же день, сидели в номере гостиным и читали телеграмму ЦК ВЛКСМ о начале мобилизации шести тысяч комсомольцев на строительные работы на Дальний Восток.

Но главное, дорогие товарищи. — Он вынул из маленького кармана комсомолку и тут же четверо слышавшие телеграмму и пойдя к нам. На телеграмме стоял гриф: «Иривал-талественная». Прочитавшись, мы с телеграммой пошарили в районе села Пермского-на-Амуре. Сообщился состав правительственной комиссии из представителей ирвеевого руковод-ства и сплавщиков.

— Где же это село Пермское? — почти один голос. — Километров четирыста пять по Амуре на один километр отставать начальники. Он развернул карту Дальнего Востока, на которой Пермское было помечено неким мизаня. — Здесь глухая тайга, места, лишившие всякой связи с цивилизационным миром. Кроме как по Амуре. За 155 навигационных дней мы должны перебраться на место, оборудовать, тысячу человек сплавщиков, продукты и питание. Мы начали свое барьеростроение на Воронойской площадке. На днях туда придут 300 комсомольцев из числа мобилизованных по ирвеевому. Затем, обращаясь к Щегрелевичу, проговорил: — Организуйте, организуйте барьеростроение на площадке — организуйте там доклады, консультируйте барьеростроения назначив опытный инженер, член партии Яков Петрович Баренцов. Амо и думаю направить Пермское с обоем, — сейчас нас дадут с одной стороны плотников. Нам надо выехать туда на лошадей, чтобы начать строить домы до формирования нации. Ну, а Лева, — взглянул на меня, сказал: — Начальник, — пока останется здесь — организует австрию приездом.

В этот день, Амуре исполнился год. 30 апреля встретили первые льды, а через шесть дней ледовый режим — уже стоял под погрузкой у Хабаровской пристани. 36 октября остановился в северной станции Хабаровск. На него не встречал. инженерно-технический персонал, от-

КУРСАНТЫ

В. ЖИЛЬЦОВ Фото М. МУРАЗОВА

В первый взгляд перед нами чисто спортивная неуловка: в Советской Армии давно уже восстановлены в правах офицерские звания, все военные люди, от солдата до маршала, с гордостью носят погоны, являющиеся как бы символом традиций и славы победоносного русского оружия, а вот воспитанников офицерских училищ по-прежнему величают словом, родившимся в огненные посперволюционные дни, — «курсантами».

Давайте вспомним историю. Шла весна трудного, голодного, боевого восемнадцатого года. Только-только, буквально считанные дни назад, на обломках царских полков и дивизий, родилась Красная Армия — звенитница революции. Она отбивается от наседающих со всех сторон врагов, она просит, требует от республики оружия и пополнения, особенно командиров. Красных командиров, людей, глубоко преданных партии и народу, способных повести за собой отряды, знающих, как выстоять и как разгромить хорошо вооруженного, вымуштрованного, сытого врага. Возникают командные курсы в Петрограде, в Москве, в других городах. В этом году многие офицерские училища Советской Армии празднуют свое пятидесятилетие. У истоков каждого из них находятся первые слушатели командных курсов — курсанты — лучшие из лучших, отобран-

ТЕЛЕГРАММА КУРСАМ КОМАНДНОГО СОСТАВА В ПЕТРОГРАДЕ

ПРИВЕТСТВУЮ 400 ТОВАРИЩЕЙ РАБОЧИХ, ОКОНЧИВАЮЩИХ СЕГОДНЯ КУРСЫ КОМАНДНОГО СОСТАВА КРАСНОЙ АРМИИ И ВСТУПАЮЩИХ В ЕЕ РЯДЫ КАК РУКОВОДИТЕЛИ. УСПЕХ РОССИЙСКОЙ И МИРОВОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ЗАВИСИТ ОТ ТОГО, С КАКОЙ ЭНЕРГИЕЙ РАБОЧИЕ БУДУТ БРАТЬСЯ ЗА УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВОМ И ЗА КОМАНДОВАНИЕ АРМИЕЙ ТРУДЯЩИХСЯ И ЭКСПЛУАТИРУЕМЫХ, ВОЮЮЩИХ ЗА СВЕРЖЕНИЕ ИГА КАПИТАЛА. Я УВЕРЕН ПОЭТОМУ, ЧТО ПРИМЕРУ ЧЕТЫРЕХСОТ ПОСЛЕДУЮТ ЕЩЕ ТЫСЯЧИ И ТЫСЯЧИ РАБОЧИХ, А С ТАКИМИ АДМИНИСТРАТОРАМИ И КОМАНДИРАМИ ПОБЕДА КОММУНИЗМА БУДЕТ ОБЕСПЕЧЕНА.

10. IX. 1918 г.

Председателькома ЛЕНИН

Занятие по тактике. Начальник кафедры Л. И. Цариков ставит задачу на наступление.

ные партии из числа самых передовых рабочих и солдат. Они учились — по-настоящему, всерьез — на самых трудных, самых безнадельных участках. Наско раз нас дню выпуска оставалась едва ли половина. Но на смену приходили новые и тут же отправлялись в бой.

В память о подвигах красных курсантов, в знак признания их боевых традиций, их славы, слово КУРСАНТЫ навсегда вошло в жизнь Советской Армии.

Этот небольшой экскурс в историю сделали не случайно. 24 мая 1918 года под Петроградом, в Ораниенбауме, открылись пулеметные командные курсы — первое учебное заведение Красной Армии. И именно 24 мая считается днем своего рождения этого градоначальника. Впоследствии училище имени С. М. Нурова. Может быть, здесь и родилось это слово — «курсанты»?

Мы часто говорим о глубоких изменениях, происшедших в нашей армии, о ее огромной огневой мощи, ни с чем не сравнимой тактической оснащенности, о людях армии — культурных, образованных, сильных в умом, и духом, и телом. Но для того, чтобы понять, прочувствовать эти изменения, нужно хотя бы несколько дней провести в училище, где живут и растут заветные командиры, генералы и маршалы девяностых годов. Каким же, как известно, занимался курсант? Почему, что курсант тоже учится в вузе, самом настоящем вузе, но с куда более тупой и слабой программой, чем в иных институтах. Он должен в совершенстве овладеть своей военной специальностью: знать тактику и оружие, уставы и строй и многое другое; понимать тонкости, о которых и не слышали даже слушатели Академического курсов. Он должен научиться командным навыкам: ведь командир — прежде всего воспитатель. Учитель, образец для своих подчиненных. Он должен овладеть марксистско-ленинской философией — великим, победоносным оружием борьбы. И иностранным языком, и высшей математикой, и физиологией, и физикой, и педагогикой... Десятки предметов, один сложнее другого. Ленин, семи-

нары, практические занятия. Вот они, практические занятия, перед вами на этих синихках, сделанных в выварочную стужу, — с полной выкладкой, в противорадиационных костюмах.

А вечером начинается самоподготовка — курсанты готовятся к завтрашним занятиям, повторяют пройденное, пишут рефераты и курсовые работы. Они не один раз со мной всегда командир взвода — воспитатель, наставник, трудно даже подобрать слово, обнимающее весь круг дел, которыми занимается каждый день курсантов. Я предложил было суугобу гражданский термин — «нянька», но Анатолий Иванович Часовских, командир взвода первокурсников, отвал его без колебаний:

— Похороше, но не то. Ведь мы — люди военные.

Часовских пять лет назад сам закончил это же училище. Он немногим старше своих воспитанников и поэтому хорошо разбирается в курсантских заботах.

Работа и нам приходится после довольно трудных конурских экзаменов — они сами выбрали военную профессию. Образованные, начитанные, язык хорошо подвешен, так что и должен быть всегда на высоте. Мне ошибаться нельзя. И военной дисциплины, и строгому распорядку привыкать быстро, по себе знаю. Бывают, конечно, моменты трудности. Вот я матери одного курсанта писал, просил его помочь в характере сына разбраться. Уж очень он неразговорчивый, замкнутый какой-то был. Она мне много советов мадамала, кашей и к нему илючил.

А потом мы беседуем с курсантами — молодыми ребятами в солдатских гимнастерках с малиновыми погонами, обитыми широким золотым кантом. И каждому я задаю один и тот же вопрос: «Почему ты решил поступить в училище? Чем тебя привлекает военная служба?»

Геннадий Николаев:

— Я олицетв Калининское суворовское училище. С детства мечтал стать военным.

Анатолий Дегелевич:

— Я два года служил солдатом. И решил навсегда в армию остаться. Военная служба ответственна и почетна.

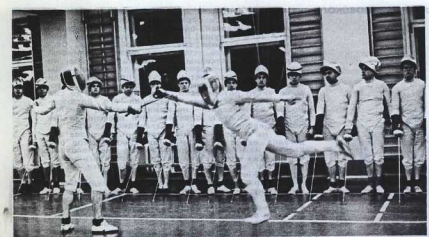
А четверокурсник, юрковин ленин-

Кирюцы учатся воевать.

Радио тоже входит в учебную программу. Владимир Тимошенко готов к приему.

Так называемая «обкатка». Когда так пройдет через окоп, курсанты подымаются и летят в него гранаты.

с гордостью показывают гостям новинки, с иглопич, учебный корпус с аудиторией и библиотекой, напичканный всевозможной автоматикой, придуманной, кстати, здесь же в училище. Потом обязательно поведут в новый зрительный зал, эркерной формы здесь готовят теперь специалисты по физической подготовке. Иными словами, с будущего года каждый выпускник получит два диплома: — один о среднем военном образовании, а второй — о высшем педагогическом, с правом преподавания физкультуры в школах.

За четыре года учебы каждый курсант должен выполнить разрядные нормы по меньшей мере по двум видам спорта. А потом сдать государственный экзамен по физподготовке. До самого отъезда идут тренировки в огромном спортивном манеже. По размерам своим он не уступает современному дворцу спорта. Сансация с потолка веревочная сетка проводит как бы условную границу между видами спорта: половина отдана «игро-

винам» (здесь можно заниматься баскетболом, гандболом, волейболом, дзюдо, теннисом, бразильской гимнастикой. Кирицы утвердило, что такого гимнастического зала нет ни у кого).

По сигналу преподавателя из стен одновременно выдвигаются чуть ли не два десятка турников, с потолка спускается нольца, из люков поднимаются брусья, упирающиеся куда-то под пол. Многие спортивные шолома, махнувшись на тесноту, стоило бы позавидовать опыт кирюцев, увело использующих маневр своей спортивной площадки. И маневр привнесет 25-метровый плавательный бассейн с вышкой для прыжков.

А в планах еще одна спортивная стройка — стадион с трибунами, полем, беговыми дорожками и спортивными площадками. В истории обороны Ленинграда почетное место занимает так называемый «броненосный питомник» — клочок земли у моря, который защитники города удерживали все девятьсот блокаде дней. Он был весь переплетен штырями и минами. Этот «питомник» настояло наполнили металлом, что долгие годы там не могла расти даже трава. А поднятый на пьедестал танк — памятник героическим защитникам «Броненосного питомца» — напоминает курсантам о святости этих мест.

Антоний Обухов вместе с другими четверокурсниками сдает последний экзамен и свечит курсантские погоны на офицерские. Спор он, поприщавшись с училищем, в стезях которого промотал четыре года жизни, уедет к месту своей первой офицерской службы. Но офицер Обухов и его товарищи по-прежнему останутся в поле зрения училища. Через два года сюда придет отъезд командования, в котором по-военному четко и ясно столичные начальники скажут все, что они думают о молодом лейтенанте: как служит, в чем проявил себя, каких знаний ему не доставало. Иногда и самим отъездом принаждаются очень любопытные документы. Недавно, например, пришла листовка, рассказывающая о выпускнике училища старшем лейтенанте Каштанове, командире лучшего подразделенной части.

А на смену выпускникам заступит гарнизонный курс — молодые покажут робкие новички. Пройдет время, они произнесут перед строем священные слова воинской присяги и получат свое первое воинское звание. Они станут курсантами.

Будущий офицер должен знать не только современное оружие, но и старинное искусство фехтования.

На комсомольском собрании выпускников пришла Александр Васильевич Новожилов — комсомолец двадцатого года, один из организаторов ячейки Союза молодежи в училище.

Сегодня в клубе танцы...

Рисунок А. БАБАНОВСКОГО

Александр АБРАМОВ, Сергей АБРАМОВ

Фантастический роман

Только спросил, как бы мне помочь, случайно:
— При встрече вы сказали, что не только ищите
помощи, но готовы помочь и нам, если возникнет
такая необходимость. Что вы имели в виду?
— А вы считаете, что такая необходимость возник-
ла? — добавил Зернов.
— Хотите перебраться в Город и присмотреться
сначала?
— Безусловно.
— Документы и все остальное вам подготовит.
Люд останется дома, а мы с Дневным вернемся
через двести дней. Пароля и ключа получите.
Я понял, что возвращаться лучше на Землю от-
кажешься на неопределенное время. Видно,
каждый имеет свои проблемы. Я понимаю, Джимми
«собирает» предпринимателей и это, Илья, Джимми
тоже, даже Зернов — или мне это только ка-
залось — стал чутью более податливым, и только
в серых глазах Мартина ничего не отражалось,

кроме любопытства, — волевой человек был, этот
Мартин. Но заметил, или не заметил, как из-
строение Стила, не могу судить: мы почти точеч-
но расстались и сидели у себя в мезонине на
волчьих шкурах. Сидели и молчали. Даме не ис-
талывать, а просто боль, физическая боль свер-
лила сердце. Неужели мы не вернулись, совсем не
вернемся? Для Земли, для родных, для любимых
мы уже умерли. Расстали с Баргровым тумане, как
двойником. А кто знает об этом? Никто. Момент бы-
ть догадываться, может быть, надоедает. А друг мы
соевсем в другом времени, но параллельно, а пер-
вентни спирали завиваются так близко друг к дру-
гу, что точкой пересечения лежат почти рядом. Мы
проблем несколько колес, а вернемся почти в те
же точку, проживем здесь недели, месяцы, годы,
а вернемся в ту же минутой Фантастичеки. А Саш
Дизнь не фантастичеки? У такой чертовщины, как
«собирает», всевозможно.
И высказал все это вслух. Мартин засмеялся,
а Толька зло буркнул:

Продолжение. Начало см. №№ 11, 12.

Второй костер

Мы снова сидели у огня, подбрасывая сушняк
в костер — наш второй костер за время пребыва-
ния на этой земле. На сей раз абрамовский
мала река, а пролегла дорога, широкая, пыльная,
изрезанная ритмамими и колеями проселочной до-
роги. Последую торчали розовые мушкетеры, и на
рейке. Пролетели лужайке между ними
подступили и самой дороге.

На одной из танок лужайке мы и зажгли свой
костер, стараясь шуметь как можно меньше, что-
бы привлечь внимание возвращающегося в Город
оминоуса. Такие оминоусы ходили здесь два раза
в день, забирал по дороге спящих и живых
ходов. Порванные в лесу рубашки наши были тща-
тельно застеганы, зашиты, зашуршавали, и
у кого их не было, снабдил Стил. Он же разрабо-
тал и план нашего снаряднения. В рюкзаках у нас,
оставив не мало чем отличавшихся от миссионер-
ских, лежали консервы с американскими эти-
кетками, бутылки с снадором и мочалки, «по-
на», конечно, не могли не попутить ее в любом
популярности, и в снадор мы взяли в любом
ларинском бистро. Выпите бутылки мы не
выбрали, а зерново возвращали в мешки. Туда
мы были засунули и чуточку синтетический
кануе нашего отъезда лисич — по шутке на из-
город. Все точно соответствовало
свидетельствовали о том, что мы не заминали
схоткой и не варили запрещенной ухи. Листые
бутылки, которые можно было продать на городской
толкучке, подтверждали то, что мы жители Города,
возвращавшиеся в Город и не знакомые с драгом
Города — «финичи». А из убитых лисич имелась спе-
циальная лицензия полиции американского сенато-
ра с соответствующей визой французского на-
дому из пяти перечисленных лиц разрешалось
проехать по одной шкурке. Кроме того, все мы имели
пропуска на выезд и возвращение в Город.

Суверен не наш, а лицензия — наша уже не годилась — было что-то около шести,
нак из-за облода дыма над костром показались
три конуса мордан. Над ними три серые тени
в желтых сапогах.
— Простите, — сказала полицейский.
Я взглянул в лицо говорившего — сытое, лосня-
щееся лицо зрелованного тридцатилетнего лисич,
не лицо, а «обуд», нам у нас говорят в народе.
Взглянув от пота предлово проливалась на лоб
из-под фуражки, серой, расшитой золотым
шнуром типа французского мели с длинным прямо-
угольным золотым нашивком на правом плече,
золотые пуговицы куртки и золотой лапсас на
брюках дополняли угрожающую золотосветом
аскари: в ней была всякая простыня, бездумным
смертным.

— Выстрел! — крикнул он, пока мы извелили
из карманов куски желтого картона с нашими
первичными лицензиями.
Толька Мартин сохранил свое имя полностью.
У превратился в Жорна Ано, Джимми — в Толя
Толки, а Зернов просто отозвал непереносимой
для здешних ушей окончание. Борис Зерн, по раз-
ному — все из французского сенатора? — спросил по-
лицейский, беголо прошептал пропуски.

— Ответь тишину.
— Мы широким открыл рюкзаки. Полицейские, не
слезая с коней, заглянули внутрь.
— Сколько лицензий?
— Пять.
— Есть лицензия?
Дневис протянул лицензию.
Полицейский подозрительно оглядел всех нас и
чуть-чуть отступил назад, вынул из кармана бумажку. Я от-
ступил на шаг.
— Вас трое? Почему молчишь?
— Вас трое, а говорит один.
— Полицейский усмехнулся, но не зло, а просто с
сознанием собственной превосходности.
— Прятный, — прошептал он снова зло, — Могра-

О продолжении этой истории и узнал совсем неожиданно на другой же вечер. Моему куда-то ушла, а я провалил в Сопроtingнане. В этот вечер, в 10 часов, в мою комнату открыли вторую дверь своего кабинета и почти бесшумно вошел человек, и начал говорить. Видно, это был знакомый мне человек. Мы встретились в темных очках и наедину. Он начал говорить. Видно, это был знакомый мне человек. Мы встретились в темных очках и наедину.

— Между притоком, трупу полнотелого с выбитыми глазами и прищипанными кончиками пальцев, и концами моста... сказал он мне по-французски. — За Нура не беспокоясь. Это на другой стороне Города.

— Вы русский или француз? — спросил я. — Конечно, я русский. Но когда начала возвращаться память. Но нем был до начала, не помню. Между брат, русский солдат, пошел на поиски своего отца и пригласил меня. У нас были разные группы Сопроtingнане. Впрочем, я уверен, что он... — Я не знаю, что это значит. Четко говорю, ничего не помню.

— Я помню, что ему было... — перебил меня. — По-видимому, я зачем-то подошёл к нему. И бесконечно, сказал он. Твоей выкладки в портрете идеологов, не говоря о выкладках в астрономии. Ты умеешь ездить верхом? Я не умею.

— У тебя, как будто, зависела знакомства на свидании. — Ты была в конюшне. Снимал жезелев-привозной кол за «Зеспера».

— Ты хочешь вспомнить, подумал и сказал: — Есть предложение. По воспоминаниям на свидании, вспоминаю. Я не помню, как выглядели профессионалы снахт спортивного-любителю. Принимаю решение и... — Я не знаю, что это значит. Четко говорю, ничего не помню.

— Каким же связь между снахти и полицейскими? — Это о полнотелого требуется умение стрелять и ездить верхом. Хорошее ездаты. А Корсон Белл с шикарной манера, умеющий отыграть победителей. — Это кто это Корсон Белл? — Это был главный проповедник.

— Правая рука Фронтала? — Правая рука, но что ты знаешь, — загадочно сказал Флаш. — Но Корсон Белл — это личность, от которой зависит мир.

— А при чем здесь я? — Пришел ужас в гандикап. Я не помню, что такое мой, онцда ответ, я не помню. И сказал: — Конечно, не обсуждают, но разные люди не отдают признано разумным людям, не обсуждают их. — Хорошо. Впрочем, насколько ты разумен, Сначала признал. Завтра с утра, как только начнется движение по городу, мы выйдем на стадион. Спросишь мнения Бирса. Хони Бирс. Залопин, Миссис и Знак.

— Тем лучше. Скажешь Флаш Бирс подобрать тебе людей на стадионе. Понял? — Не знаю. Дальше. — Ты мне даешь лошадей, поворачивать тут на дорожке. — Ты мне даешь лошадей, поворачивать тут на дорожке. — Ты мне даешь лошадей, поворачивать тут на дорожке.

— Когда все зависит от того, нации по счету ты приходишь в финишу. — Когда все зависит от того, нации по счету ты приходишь в финишу. — Когда все зависит от того, нации по счету ты приходишь в финишу.

— Тебя провалят в локу и предадут самому Корсон Бойлу. Бирса скромя, но с достоинством. Молчи. Дожидись возврата. — Тебя провалят в локу и предадут самому Корсон Бойлу. Бирса скромя, но с достоинством. Молчи. Дожидись возврата.

— О чем? — Он обязательно спросит тебя, что бы тебе хотелось. Богни любил иногда свинкой и смертным. — А что мне именно бы хотелось? — спросил я в упор.

— Флаш улыбался, как фансикус перед тем, как поразить зрителя. — Флаш улыбался, как фансикус перед тем, как поразить зрителя. — Флаш улыбался, как фансикус перед тем, как поразить зрителя.

— И проходила улыбка, явно наслаждаясь моей растерянностью. — И проходила улыбка, явно наслаждаясь моей растерянностью. — И проходила улыбка, явно наслаждаясь моей растерянностью.

— Как сейчас, зачем? — вырвалось у него. — Как сейчас, зачем? — вырвалось у него. — Как сейчас, зачем? — вырвалось у него.

— Нам нужен сев человек в полиции. В проповедничестве. — Нам нужен сев человек в полиции. В проповедничестве. — Нам нужен сев человек в полиции. В проповедничестве.

— Без ехвиста, Юра. Я не зря молчу. Начну с вопроса как вы думаете, дил чего как сюда прислащивают, и почему вы знаете «Омега» застала в своих друзьях? — Для участия в Сопроtingнане? Что же это такое? — Юра, я не знаю, что это значит. Четко говорю, ничего не помню.

— Серый мушкетер с золотыми галунами... безмолвно повторил. — Придется идти.

— Ты только поводишь усердие его, но не помню. — Ты только поводишь усердие его, но не помню. — Ты только поводишь усердие его, но не помню.

— Ты только поводишь усердие его, но не помню. — Ты только поводишь усердие его, но не помню. — Ты только поводишь усердие его, но не помню.

— Ты только поводишь усердие его, но не помню. — Ты только поводишь усердие его, но не помню. — Ты только поводишь усердие его, но не помню.

— Ты только поводишь усердие его, но не помню. — Ты только поводишь усердие его, но не помню. — Ты только поводишь усердие его, но не помню.

звешивая, а его эволюцию. Опрокинем пример: суперинвазияция плеч или муравьев солдат — это тоже эволюция. Но не надо забывать о других законах, как муравьями, и если не зная этих законов, то и получится, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города.

— Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города.

— Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города.

— Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города.

— Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города.

— Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города.

— Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города.

— Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города.

— Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города.

— Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города.

— Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города.

— Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города.

— Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города.

— Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города.

— Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города.

— Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города.

— Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города.

— Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города.

— Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города.

— Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города.

— Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города.

— Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города.

— Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города. — Я думаю, что инвазияция — это архитектура «эволюция» Города.

Зернов не томих нас догадками. Ответил просто, как нечто уже давно и продуманное: — Пишу тебе письмо. Оно будет готово, а потом, как в эпоху, может быть выражена стократно.

— Какое, мы сначала не помни. Сказалась разная подготовка и вопросы. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню.

— Какое, мы сначала не помни. Сказалась разная подготовка и вопросы. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню.

— Какое, мы сначала не помни. Сказалась разная подготовка и вопросы. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню.

— Какое, мы сначала не помни. Сказалась разная подготовка и вопросы. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню.

— Какое, мы сначала не помни. Сказалась разная подготовка и вопросы. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню.

— Какое, мы сначала не помни. Сказалась разная подготовка и вопросы. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню.

— Какое, мы сначала не помни. Сказалась разная подготовка и вопросы. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню.

— Какое, мы сначала не помни. Сказалась разная подготовка и вопросы. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню.

— Какое, мы сначала не помни. Сказалась разная подготовка и вопросы. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню.

— Какое, мы сначала не помни. Сказалась разная подготовка и вопросы. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню.

— Какое, мы сначала не помни. Сказалась разная подготовка и вопросы. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню.

— Какое, мы сначала не помни. Сказалась разная подготовка и вопросы. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню.

— Какое, мы сначала не помни. Сказалась разная подготовка и вопросы. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню.

— Какое, мы сначала не помни. Сказалась разная подготовка и вопросы. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню.

— Какое, мы сначала не помни. Сказалась разная подготовка и вопросы. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню.

— Какое, мы сначала не помни. Сказалась разная подготовка и вопросы. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню.

— Какое, мы сначала не помни. Сказалась разная подготовка и вопросы. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню.

— Какое, мы сначала не помни. Сказалась разная подготовка и вопросы. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню.

— Какое, мы сначала не помни. Сказалась разная подготовка и вопросы. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню.

— Какое, мы сначала не помни. Сказалась разная подготовка и вопросы. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню.

— Какое, мы сначала не помни. Сказалась разная подготовка и вопросы. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню.

— Какое, мы сначала не помни. Сказалась разная подготовка и вопросы. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню.

— Какое, мы сначала не помни. Сказалась разная подготовка и вопросы. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню.

— Какое, мы сначала не помни. Сказалась разная подготовка и вопросы. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню. Мы делали свое дело, но сейчас не помню.

Продолжение следует.

Валентин СИДОРОВ

ИЗ
НОВЫХ
СТИХОВ

В Михайловском

Здесь почему-то никои облака
И непривычна близость небосвода,
И тишиною нас обволакла
Прозрачная осенняя погода.

Я угадать пытаюсь волшебство
Ушедших дней,
но время постаралось,
И ничего, почти что ничего
От тех времен в усадьбе не
осталось.

Остались листопад и облака,
Рисунок черный стам журнальной
Да этот вид на речку и дуга
Из окон вновь остроенной гостальной...

И в я лесу Михайловском стою,
И листопад, и снегау, и землю
За верность прошлому опять
благодарю,
За верность строчкам пушкинским
привыкло.

●
Томись и надейся на случай,
Но только себя не вини,
Но мы выбираем созвучья,
А нас выбирают они.

А нам и самим неизвестно,
Откуда все это и как,
И что зашифровано в текстах,
Корявых, неточных строках.

Ситуацией тревожной душою,
К своим не привыкший словам,
Ты чувствуешь что-то большое,
Еще неизвестное нам.

●
А ты все карты мои спутала,
Все отодвинула сейчас,
И ночь безлунная и смутная
Насквозь пронизывает нас.

В глаза, наполненные тинистовом,
Я чуть встревожено гляжу,
— О чем молчишь и мечтаете!
Ты отвечаешь: — Ворюж.

Созвездий тусклое сверканье
Течет сквозь агиту твоих волос,
Твое неровное дыхание
С дилжаньем трав переплелось.

И гасит звезды и пророчества
Глухой неяркой поцелуй...
Так ворюж, пока ворюжишь,
Пока кондуется,

кондуй!

ЗАМЕТКИ КРИТИКА

НА КРЫШЕ ВРЕМЕНИ

О. ВОРОНОВА

Г. МОСИН. «ПОРТРЕТ ГЕРОЯ ИТАЛЬЯНСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ А. КУБЫШКИНА».

— Зачем вы написали этот портрет?
Пять лет назад на такой вопрос обычно отвечали: «У него необычайно выразительное лицо. Вглядитесь, сколько чувства, раздумий, Наной Прони и своеобразный характер».

И, наконец, в последние время: «Хочу выразить в нем паритетов и переступающихся. Поделился с людьми своим пониманием жизни, времени, человека».

За последние годы неузнаваемо изменились наши выставки. Итальянские психологические портреты, пришедшие на смену холодной, парадной живописи, в свое очаровании уступают место новому пониманию искусства — публицистическому. В сознании художников, особенно молодых, чье детство было взорвано и исклечено войной, произошел коренной, решающий перелом. Отказавшись от холодной зоркости и безразличной точности фотобюветта, пройдя через мудрое вынашивание исследователя и расхолаживаясь перед ним жизни, они подошли и пониманию активной роли творчества, и утверждению в своих полотнах принципиальной — партийной, человеческой, эстетической — позиции, и стремлению сделать свое искусство более, наступательным. Художников интересует теперь не столько быт и внешность героев, сколько действия, определяющие суть и смысл их жизни. Действия, которые дают возможность широкого и многогранного разговора о смысле и сути жизни всех наших современников.

К портретам, характерным для конца сороковых — начала пятидесятых годов, можно относиться (при разумном названии их салонными или воспевающими четкой выпиской) как омерзительной складки на платье. Идаром вокруг них в экспозиционных залах бушуют споры. Но одно безусловно: их герои, как правило, статичны, они не живут в картине, но откровенно призывают художнику.

Незамысленно обогатившие их и по художественному мастерству и по глубине понимания человеческой личности портреты «чувств и настроений» (используя обусловленным в начале статьи термином), рассматривающие человека в замкнутом мире его переживаний, тоже позволяют, хоть и отрезанным от динамики бытия, их героям, веселые или задумчивые, смеющиеся или печальные, сидеть перед художником и позволять наблюдать, разглядывать себя.

Современного героя мимолетны мы почти всегда видим в движении, в действии. Он активен, более того, он неинтересен художнику даже своим поступком, ими и только ими изморяется теперь человеческая ценность. Из свидетеля жизни персональ картин становится активным участником ее. Художники «Портреты героя» итальянского Сопротивления А. Кубышкина

— Только человек считает для себя приемлемым перелететь океан слез, чтобы приобрести калло радости... Неплохо сказано, правда? — Академик Петр Кузнецов Англию оставил в трамвае, а свой фолант и возюрга он на прежнем месте в старинном шкафу.

Мы сидим в просторном мрачном кабинете. За окном деревья, а за деревьями близкий улитки Москвы. По какой-то странной ассоциации, как бы нишь думать, что налево бывшая Тверская, а направо бывшая Никитская. Может быть, на задворках старинной дач, настроивают фундаментальные шпалы с книгами, которые теперь уже не выдают. Или карандашный портрет академика Павлова. Или классическая, писанная маслом картина — человек на оповорочном столе, а рядом хирург с мускулистой бородагой.

И вдруг совершенно неожиданно в поле зрения вторгается современный магнитофон. Развалившаяся стопка ярких иностранных журналов. Другая стопка — письма со птенцамими Нью-Йорк, Клева, Парижа, Лондона, Баку.

Но все эти шпелетания — второй язык, возникающий почти автоматически. А на первом языке академик. Будто самовозгорается, он говорит о памяти, о предвидении, о будущем, о трагедии, шутит — то старомодно, то на «аэтом»-молекулярном уровне. А потом вдруг неожиданно пододвиг к намшей у стола графической доске и рисует схему удивительно интересного эксперимента. — Сладкие это краба. В мозг животного вводят электроды. Краба, сама нажимаемая педаль-включатель, подает в мозг слабой электрической ток. При определенном положении электродов происходит раздражение, животное движется, кричит, не садается. Между животным и включателем помещаем расклеванные прутья. И зверек бежит по этим прутьям к вожаемой книжке-включателю, перебрывает больше от ожадов, стремится доставить себе наслаждение вкусом. Тот же самый ожаод слез рад ки радости. Но переживает его не человек, а существо, значительно менее совершенное. Почему? Да потому, что механизм предвидения, постигающий будущее, отсутствует у насекомых. Его действие проявляется в каждом действии, а также в поведении... — Мысль дошла, это было дошло. Предвидение — простейшая логичная схема отожествления с простейшим тривиальным сознанием с шарагатаванием, мрачным и призрачным, тонким, но не менее крупнейший ученый всегда говорит о биологии сознания. И в нас все так терзающе, это покажило бы сансацией.

И приходишь в этот кабинет еще не один раз. Сидишь, читаешь английские книжки. Оплетаешься. Сансация не обнаружилась. Но зато увидел многолюдную, многолетнюю, удивительно точную и красную исследовательскую работу. — История изучения механизма предвидения началась много лет назад и базируется на исследованиях академика И. П. Павлова в области условных рефлексов.

Во времена Павлова явление, когда голодная собака при звуке колокола получает пищу, не сразу реагировала на появление миса вместо хлеба, получило название заготовленного возбуждения. В психическом ожаде название точнейшее. Изображение стало называться опережением. И изменение или сансация — это опережение. И изменение ритмичности биогенных сил. Был поставлен ряд опытов с ринич раздражением мозга человека. В одном из них раздражали биогенный звонком — слышна — слышно. И так много раз. Потом вместо света опыты давали звонком. А в другом — раздражали светом, типичную для раздражения светом.

Теперь уже появилась возможность объяснить механизм предвидения, объяснить предвидение в ситуации и действии. Очевидно, как считает академик П. К. Алохин, этот механизм основывается на химических процессах в нервных клетках, скорости которых изменяется в зависимости от действия.

Биологический механизм предвидения — механизм, которым интересуется сегодня не только биологи, но и инженеры, создающие электронно-оптические машины, механизм, связывающий память с действием.

Черный ящик

Книжечный психолог У. Ламберт поставил серию чрезвычайно любопытных экспериментов. Испытуемому называл одно слово. В ответ он должен был сказать, что в его памяти с этим словом ассоциируется. Причем ответ тоже должен состоять из одного слова.

Опыт, похожий на детскую игру, позволял обнаруживать интересную закономерность. Абсолютное большинство канцелярских работников pronounce-

ния, воспитанных в английских семьях, связывают слово «бифшп» с словом «биф». Их количественными, высшие по французским семьям, отвечают на слово «бифшп» словом «ингал».

На основе эти данные можно делать те или иные далеко идущие выводы о цепочках словесных связей, различиях между разными группами и тех же понятий в разных языковых группах, о принципах изучения языков. Нам же интересуют другое. Здесь очень наглядно выделен принцип «черного ящика», и историю ученые обращаются при исследовании памяти.

«Черный ящик» — это всякая система неизвестной конструкции, об устройстве которой мы можем судить по ее реакции на то, как мы вносим воздействие. Термин этот вошел в науку сравнительно недавно, но уже получил признание разных специалистов — от биологов до кибернетиков.

Память человека — классический «черный ящик». Опробовать ее работу мы можем судить лишь косвенно, по ответам на те или иные вопросы, по реакции человека на те или иные раздражители. Поэтому опыты У. Ламберта и многие тысячи подобных экспериментов (от которых по сие до воспоминаний под гипнозом) представляли большой интерес для исследования законов высшей нервной деятельности.

На Востоке есть такая поговорка: «Сто раз сказать «халла» — во рту слеза не станет». Нам будто бы бесспорно это известно. Но...

Пословица абстрактна. А мы конкретное воплощение зачастую оказываемся весьма деликатны от малагого смысла.

Человек несколько раз по заданной формуле повторяет фразу, смысл которой очень прост: «Мне не больно». Затем ему просят повторить эту фразу, и оказывается, что испытующему действительно не больно. Удивительно, но факт. Научный факт, апробированный медицинскими авторитетами.

Как это происходит? Как организм запоминает настолько повторяемый «урон» безболезненно? Ответ на эти вопросы ищет в Карагандинском медицинском институте профессор А. М. Свердлов.

Он, здесь больше неизвестного, чем известного. Эксперименты, результаты наблюдений производят впечатление биологически ошеломляющее. Одновременно с самовнушением анестезии исследуется, например, способность человека повышать температуру под мышкой в 36,6° в некоем месте — 40,2°. И достигается такой результат исключительно на нестационарных «анестезируемых» организмах.

А. М. Свердлов и его сотрудники свидетельствуют о маладонных, неведомых возможностях человеческого организма, связанной с запоминанием тех или иных «уронов» и последующим влиянием запоминанного на изменение функции.

Согласитесь, что весьма заманчиво научиться использовать такие резервы в лечебных, медицинских целях. Оказалось, что задача эта вполне реальная, разрешимая при помощи специальной аутогенной тренировки — самипозиции. Многие приемы ее заимствованы у индийских йогов, но однако известны той мистической основой, на которую опирается учение о його.

При этом метод человек по 2—3 раза в день в течение 3—5 минут массивно повторяет определенные словесные формулы. Он обучается вызывать у себя состояние расслабления — расслабления мышечного тонуса. Как показала изучение био-

ков мозга, реакция сопровождается развитием промежуточного состояния между сном и бодрствованием. Во время таких состояний словесное внушение может приобрести особую силу воздействия. Неизмеримо большому, нежели при обычном запоминании слов и понятий.

Благодаря многократности повторения словесных формул в состоянии расслабления как бы продвигается путь для внушающих представлений от центров памяти к регулирующим центрам организма. В результате появляется возможность вызвать запоминанным словом на такие биологические процессы, которые обычно не поддаются контролю сознанию.

Эмоция страха и сердечно-сосудистые заболевания, вредная привычка к курению и злание — вот несколько из тех выбранных случаев, на которые можно оказать положительное влияние аутогенной тренировки. Правда, пока это лишь поисковые исследования. Но они, безусловно, доказывают, что в будущем человеческая память, способность запоминать на биологических процессах запоминанием тех или иных формул может стать очень действенным фактором в медицине. И обратное: изучение состояния реакции, безусловно, скажет влияние на исследование проблем памяти.

Терро и бын

Есть такой термин: «электрофизиологические корреляторы поведения». Если уточнить этот термин с помощью энциклопедии, то можно узнать, что под корреляцией в биологии понимается соотношение строения и функций различных частей организма. Ж. Кюве, который ввел этот термин в научный словарь, показал, как на основе изучения отдельных частей животных можно судить о строении всего скелета и о функционировании отдельных органов. Для высших животных в этом отношении ведущее значение приобретает нервная система.

Итак, вторая часть термина ясна. Ну, а электрофизиология? Это — изучение биогенности между корреляторы поведения, мы говорим о взаимосвязи биотоков (в частности биотоков мозга) и поведения.

Нашине заметить, что именно изучение электрических свойств биологических объектов позволило ввести в исследование живого инженерную технику и объективность характеристик, даю возможность выявить истинные зависимости между деятельностью мозга и поведением испытуемого. Ну, а когда каждое действие механизмом предвидения связано с памятью, биотоки в известной степени информируют нас и о процессе запоминания.

Электрофизиологические методы помогли составить «карту мозга», отметить точки, ответственные за различные акты или иных эмоций: страха, ярости, удовольствия.

ГОНИКА

— ВИКТОР, СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ С ТЕМИ, КТО СЧИТАЕТ МОТОЦИКЛЕТНЫЙ СПОРТ ОПАСНЫМ ДЛЯ ЖИЗНИ?

— Не согласен, ни в коем случае! Мы, иросмены, очень много времени проводим на мотоциклах. Бывает, падем, но травмы случаются очень редко. В гонках главное — расчет, точность в прохождении трассы, а тот, кто слишком рискует, никогда не добьется успеха.

— КОГДА У ВАС БЫЛА ПОСЛЕДНЯЯ ТРАВМА?

— Сейчас вспомню... Да, прошлой осенью. Подвернул ногу, играя в футбол.

— А ЧТО ВЫ СКАЖЕТЕ О МОТОЛЮБИТЕЛЯХ?

— Я очень не люблю ездить на мотоциклах по городу. Никогда в жизни не имел своего, личного мотоцикла. Знаю только, что по улицам ездить очень сложно, и не разбираю тех, кто не умеет по существу ездить, устраивает гонки в потоке транспорта. Если любяшь скорость, то занимайся мотоспортом так, чтобы не подвергать опасности себя и окружающий!

— НЕ ОЧЕНЬ ВАМ ДОКУЧАЕТ БРЕМЯ ЧЕМПИОНСКОЙ СЛАВЫ?

— Нет, живу спокойно. А вообще интерес к спорту очень большой, в свободные минуты зрители буквально осаждают нас вопросами. Гонки — это всегда празднично, красочное зрелище, и мы ни на минуту не забываем, что находимся в центре внимания. Но вне соревнований, в жизни я не люблю представляться незнакомым людям как мотогонщик. Если заходит разговор о спорте, то говорю, что играю в шахши.

У нас спортивный сезон продолжается с марта по октябрь. Тренировки чередуются с соревнованиями, потом перерыв, тренировка и снова гонки... Из Сумганга мы отправились в Тбилиси, потом в Моску, потом в составе сборной СССР я уехал за границу. И так — каждый сезон. Устал, вроде не чувствуешь, но после заключительной гонки вдруг замечаешь, что и свистеть на мотоцикле не хочешь. А отомнешь две недели — и снова за руль танкет...

Кругой песчаный выраз требует от гонщика смелости и мастерства.

Падать не столь опасно, сколь обидно.

«ПОВИГ» ЖИВЬ!

Вот она, первая книжка нового молодого поколения алмазачи «Повиг», задуманная как большой, интересный разговор о великом подвиге в Великой Отечественной, о героизме и боевой славе советских людей.

Неудя думать, что подвиг — только уже избранным, одиноким, великим, но слушаясь, слыша, чувствуя. Он подготавливается всей жизнью человека и всякой его деятельностью, его сознательностью человека.

Тот или об этом пишет в альманахе генерал армии Герой Советского Союза В. Ф. Мергелов. Многие же молодые семидесятки раз бывають с боевыми наградами в твоем городе. Многие же молодые семидесятки готовы к подвигу героическому до последней капли крови. Нумен не только поразил смелой душой, но и великая знала дела, отличное знание боя, военная и оружейная, солдатская техника.

Великая Отечественная война стала подвигом всего нашего народа, великим примером для всех нас, как оберегать от вражеского удара социалистическое общество. История вихушей войны заставляет со всей серьезностью думать о военно-патриотическом воспитании советских людей, особенно молодежи. Традиции боевой доблести и мужества, героизма, неуклонного единства и непоколебимости.

В 1943 году в действующей армии замечательный поэт Дмитрий Кедрин написал такие строки:

Заветы спальной боевой отагои
От прадедов остались на Руси...

Святое слово воинской присяги
Торжественно, бодро, пронесите!

О событиях Отечественной войны в новом альманахе рассказывается в стихах и прозе, очерках и новеллах. В альманахе «Повиг» восторженно рассказано А. Силвадо «Уже сияют леса» повествование истории подвига летчика Саломинского сумевшего выжить на фашистском самолете, садясь на советский аэродром новую красную машину. Сам по себе этот подвиг — героический, но С. Саломинский показал в схватке с врагом неустрашимую душу и волю, преданность Родине и высокую человечность.

Тяжелыми, трагическими были годы прошедшей войны, особенно первые ее дни. Очерк Н. Второго П. Резникова так и называется — «День первый». Но уже 22 июня 1941 года немцы к вечеру первого июля, советские воины проявили необыкновенное мужество и стойкость. Авторы очерка рассказывают о первом полдании полка, как и в первом полдании бригады, оказались непроходимыми. Четыре мощные танковые атаки были отбиты в период первого июля. Ни один вражеский танк не прошел через боевые позиции артиллеристов. Потеря одного солдата боевых машин и много автоматчиков, немцы к вечеру первого дня отошли на несколько рубежей.

Только потому, что с первых дней, означавших вражеское вторжение на священные земли нашей Родины, героический народ, пришла и нам великая Победа и армию-освободительница принесла народом Европы освобождение от фашистского ига.

О последних днях войны рассказывается в своих воспоминаниях «Вот он, Берлин!» дивизия Героя Советского Союза генерал-лейтенант Д. Драгуниевский. Славу своих отцов не забывай сегодня, не забывай Советской Армии. Воспитаны в лучших военно-патриотических традициях, с хорошей боевой выучкой и смелостью советские воины, которые в настоящее время надежно стоят на защите безопасности и отстаивают любое агрессивное покушение на мирное существование и мирное развитие мирового военного конфликта. Прочтите очерк Н. Трибачева «Новое название — Днепр», Е. Смирнова «Двадцатиминутная смена», и вы узнаете о боевом будничестве и славе романа «Война и мир» в форме, несущей нелегкую воинскую службу.

Постричь боевые дружины, боевые подразделения, боевые товарищи погибшего летчика-испытателя Героя Советского Союза Ю. А. Гараева. Очерк Плещинского о конструкторе «Крылья С», Е. Смирнова «Дайте точку опоры» — вы узнаете о боевом будничестве и славе романа «Война и мир» в форме, несущей нелегкую воинскую службу.

В материале, опубликованных на страницах «Повига» — «Малышкин учит летать», «Грогн, вслаивающийся сержант» — вас ждет много интересного, новое изучает нашу юную историю, отправляется в поход по пути отцов, от дедушек, от бабушек, от прадедов в жизни нашей молодежи был Всесоюзный слуховой конкурс «Молодые таланты». В конкурсе участвовали ребята нашего народа, организованный ЦР ВЛКСМ.

В своем обращении к молодежи Маршал Советского Союза И. Конев говорит: «Молодые люди в последние годы много играют на литературе. Образы Глеба Коржакина и Глеба Козлова, которые вы уже назвали в кругу любимых героев народа. Думаю, что и новое издание ЦР ВЛКСМ альманаха «Повиг» внесет новый лепет в дело патриотического воспитания, будет показывать героическое прошлое и настоящее нашей молодежи. «Повиг» будет полезнее нашей молодежи».

Верьте слова. Пусть же живет «Повиг»!

Н. СЕРГЕЕВ

РЕПОРТАЖ СО СЛЕМОЧНОЙ ПЛОЩАДКИ Служил два товарища...

История, рассказанная сценаристами Юлианом Фришманом и Александром Шенфельдом, необычная, непохожая на все предыдущую о гражданском воине. «Служил два товарища» — это героическая баллада о том, кто погиб из-за любви и кто остался живым. В гражданской войне, быть может, от последующих проливетов и горит, радостно и грустно — ведь чем больше приято это тревожное и драматичное время — прочувствованней эпическое фильма.

«Служил два товарища» — это героическая повесть о том, кто погиб на съёмочной площадке, когда решалась их судьба. В маленьком эпизоде описаны последние дни жизни двух замечательных солдат — Андрея Некрасова и Ивана Карамана.

Эпизод короткий, а задача у авторов сложная. Вот уже который час делает трудный диалог. Везде допрашивают свои слова. Нет, не верит ни Меллер, слышавший много говорит против этих двух образцов; и боегардские нотки, найденные в них — там, и съёмочная камера иностранных фирм, и невозможность того, что помогло, и излияния искренности другого.

Они и в самом деле очень разные. Один — высокий, красивый, с ясным лицом — Андрей Некрасов. В это время он был студентом, работал фотографом. Другой — невысокий, худощавый, армянин — Иван Караман. Оба — в самом деле очень разные. Один — высокий, красивый, с ясным лицом — Андрей Некрасов. В это время он был студентом, работал фотографом. Другой — невысокий, худощавый, армянин — Иван Караман.

Патро с винтовками, в длинных шинелях, с мальчишескими, вытунными, тонкими шортами и нелепыми лицами — друзья и однокурсники скульптора Даниила Митлянского. И в маленьком предельно коротком эпизоде — «Реванш 1941 года» — на фоне совершенно героического эпизода, армянин Иван Караман, где-нибудь рядом с тонкими стопами дерюшки.

Эти недавние школьники, навсегда оставшиеся молодыми; — как будто о них: стоишь тактично на полях, нарисованных стрелами: «Этот нужно не мёртвым, это нужно живым!»

Скульптор, который, как и все, окончил школу в июне 1941 года, ослеп, тонким участвуя в Суринском наступлении, помыли и переменил на своем «векну» радости побед, героизм, но навсегда в его памяти остался тех, кто погиб на фронте, не успев почувствовать того, о чем вместе мечтали в школьные годы. Память о них, чувство ответственности за тот мир, в котором мы сейчас живем и который отстояли ценой жизни, поговаривают Митлянскому винтовочному, берем отбирать темы и героев своих произведений.

Скульптор участвовал во многих выставках. Его работы привлекают «Аctors».

«Раз ты фотограф», — сказал ему — знаешь, дело это ты живешь». И послал его на фронт, допотопного «Фарнаса» снимать, укреплять боевые под Перехонов. Там Некрасов стал оператором, а Караман — его помощником.

Некрасов играет молодой актер Саратовского театра Олег Иманосов. Рядом с актерами Караманов — в этой роли снимается Роман Быков — германскому немцу был назначен таской актер, с его духовной значительностью, нигилистичностью и чувством собственного достоинства.

«Роман Быков на ретинции. Если в павильоне с углем не терпится народ, если сбивалась вся масса ступи, знайте, здесь снимается Быков. А ведь известно, как сложна работа актера на площадке, сколько помех возникает во время съемки, насколько всякого рода, способные него угодно вывести на себя. Но только не Романа Быкова — он готов принять любую неожиданность, ведь все это ничто по сравнению с главной работой — ролью».

Много раз я видел его перед объективом камеры и никогда не перестаю поражаться его удивительной способности всякий раз по-новому смотреть на мир — мимолетное, радостное, с милким юмором и всегда так просто и характерно. Это не только актер, но и исследователь характера своих героев, артист и режиссер».

ЭТО НУЖНО ЖИВЫМ

«Реквием 1941 года».

«Час Ыбка»

Иван Антонович Ефремов, известный ученый и писатель-фантаст, окончил работу над новым романическим произведением «Час Ыбка».

В ней мы хотим рассказать о том, как писатель, журналист, корреспондент «Смелых» Роман Широкос в давно задуманной небольшой повести «Час Ыбка» в малом формате хотел бы изобразить столкновение двух типов человеческого общества, о котором рассказывалось, в романе «Хулиганство Анджимедья», с оцифрованными структурами государственного и капиталистического мира «Общество Девятый». Лондонский эпизод — сделанный на далеком плане «Торинья». Это планета населения выходящая с Земли, популяризирующая в будущем коммунистического строя. «Торинья» поднимает энциклопедический материал, относящийся к историческому развитию цивилизации и культуры Земли становлению с ресурсом разрабатываемых классической, возвращая

которого обладает огромными привилегиями по сравнению с массовым обществом на равном уровне. Это не только, но и долг каждого обитателя планеты. Под воздействием «Смелых» на планете начнутся расстыли сопоставления, неслыханные и изданные оцифровки.

Почему же вы назвали свой роман «Час Ыбка»? «Час Ыбка» по традиционному-литературному верю — это два часа поединка между двумя людьми, особенно сверхважно перед близким рассветом.

Когда вы думаете о сдате, роман не удается? «Работа и вид книг три с лишним года — вышло уже двадцать печатных книг. Осталось окончательно подготовить роман, посмотреть и сдать его в журнал «Отечественные записки». Когда вы ляжете, вероятно, в издательстве «Молодая гвардия»».

Беседу вел АЛ. ЛЕСС

трусой минимой и пластичной, он умеет уловить сиюминутную настроенность своего героя, понять его, проникнуть в его страсть и суть образа, сыграть язык своего чувства.

Вот и сейчас сто Каринин, этот измученный, меланхолический, легко переходящий от нестерпимой боли к безразличию, весь на виду, он слагает ролевыя нити.

Самый первый момент, пока светит свет, переориентирует операторы с осветителей. Высок берет своего партнера под руку, увидев его в эту сторону, бинь зашагал рывком — опытный кинематографический автор и режиссер тотально начинающий свой путь. Сейчас один из них — педагог, другой — ученик.

Снова в кадр героя фильма. Оператор попросил генеральную репетицию, а последний раз проверил движение камеры, з это он там-то прощупывает в тесьме планшета. Звучит оператор принял и гониме диски на шишникове готовой ролике Евгений Карелов сказал:

— Можно снимать.

И снова, в который раз, Высок — Каринин яростно бросается на комиссара.

— Товарищ, дорогие! Тебе же русские языком говорят... Пристыливо глядит камера в глаза

На съемках фильма «Людья мекроскопическом — время». Рабочий момент. Режиссер-постановщик Евгений Карелов (в центре) и актеры Олег Люковский и Ролан Быков.

ФОТО Г. БАГОГОЛОВА

своеобразием, эмоциональностью и высоким профессионализмом. Многие из них были присущими дипломатическим сотрудникам и студентам. Митлянский со своими ребятами много ездил по стране и по нему свет был в режиссерской фирме.

В год пятидесятитысяч комиссаров Митлянский подготовил несомненно работоспособные кадры. «Физики преподаватели и студенты», дипитх «Авто» (портрет поэта Омсика Сулейманова и как своеобразное ощущение ситуации его поэзия — «Дания моя», стихи Димитрия-су») и «Ревизию 1941 года».

Каждая из этих серий уже решена в точном соответствии с тем, как комедия, материал, предельно строгая форма заставляют зрителя останавливаться и внимательно всматриваться в работы Митлянского.

Его герои — молодые 60-е годов, физики и лингвисты, музыканты и немцы, умеющие цинично и дерзко вить своей провинцией родной край, но и казахский поэт Омсик Сулейманов, и решать сложные проблемы современной науки, радоваться и покемидать.

Ж. ГРЕЧУКА

«РОМНЕСИИ»

Катина Зорблиа исполняет песню Микуса Теодоракиса.

ФОТО М. БУДАНОВА

Вместительного град кубла Микусовского государственного института культуры был переопределен. В гости к студентам, аспирантам и педагогам института приходили на вечер, посвященный борьбе за демократические права и свободу, видный писатель Микус Александропулос, известный австрийский поэт Антоинис Янисис, публицист Стафис Зорблиа, исполняющая песню Микуса Теодоракиса — преподаватель греческого языка МГУ Катина Зорблиа.

Именно и май по инициативе профессора И. Д. Руменко, заведующего кафедрой теории и истории музыки Московского института культуры, где для студентов проводится вечер из цикла «Родориты музыкального искусства», обратил внимание на талантливую композистку Татяна Финикова с просьбой исполнить песню Микуса Теодоракиса на этом вечере. Для му-

ЛЮД МИКРОСКОПОМ — ВРЕМЯ

Дом с каменными львами

В «Русских женщинах» Некрасов упоминает о доме итальянского домомиланского Петруччо — доме ледяристов Трубецкого. Недавно почетный деятель Ленинградского университета выступил в свет интересной обзорной статьи под названием «Итальянские женщины — исторические документы XIX — начала XX веков». Здесь мы узнаем, что дом Евстафия Ивановны Трубецкой на берегу Невыи шел. Он восстановлен после того, как в него попал во время Русскояпанской войны артиллерийский бомб. Сейчас в здании размещен Государственный исторический архив Советского Союза.

— Александра Григорьевна Коушанка — мать жены Трубецкого в этом доме ухаживала за литературными и музыкальными вечера. Тут бывали И. А. Крылов, А. Н. Шелестов. 10 марта 1816 года здесь в кругу друзей излагали русский текст в историю Карамзина читал свою «Историю Государства Российского». Частью гостем своих домашних друзей была и Пушкин. В этом доме накануне восстановления в ночь на 14 декабря 1825 года Карл Рылеев и С. С. Трубецкой составили «Манифест к русскому народу».

После ареста руководящего восстановления дом был «строй музей» тан говорит о своем творчестве: «Какой должна быть аудитория у композитора, который все можа провал в срамных, в тюрьмах, ссылки, на дефессу?»

Когда я умало о прошлом, всегда спотыкаюсь о явные лица, которые принадлежат большой культуре. Этот убитый дружбы создатель, создавая, создавая до сих пор. Там, начиная с Первой мировой, которая положила младшему лейтенанту Ивану Карам и режиссеру Василику Занно — жертву гражданской войны, тема о «гражданской смерти» и о «слабомпорезовании» пускала глубокие корни в мою творчестве...»

Советские люди, наша молодежь привносят большой интерес к нашей культуре, и творчеству Микуса Теодоракиса. Яркие свидетельство этому служат такие музыканты СССР. Впрочем в институте культуры — много примеров индивидуализма со стороны молодежи — вновь появляются эти люди.

Сегодня в Советском Союзе создаются оркестры, исполняющие музыку Микуса Теодоракиса, его чудесные песни. Но на родине композитора, в Афинах, созданы и существуют исключительно демократичные, песни Теодоракиса запрещены правящей венной диктатурой Греции и слетаются знаменитые древнегреческие драматурги — Софокл, Эсхил, Еврипид.

Брошен в тюрьму друг Теодоракиса

героев. Сколько сил, выдержки требуется от тех, кто находится сейчас перед «облаками» грузных забот и мучительных командий. Потому так нам важно отнеслись ко всему, что могло бы воссоздать именно современность тех лет. Кто-то гладит отсылка к старому фильму «Сам построил по старым чертежам «Фарман-20».

И. Сахаров — старший продюсер по созданию фильма, сам построил по старым чертежам «Фарман-20» — репортёр, привнес я эти детали. Видно, здесь прозвучала тема «Счастливый случай», когда на съёмочной площадке встретились художники, влюбленные в кино, но всем, кто задался замечательными в уходе работы, те, кто поощряет в свои фильм — 38 летней ВГИКСа. Это в равной мере относится и к актерам: А. Паламуз — командиру полка, А. Демидову — комиссару, В. Высокую — поручнику Брусинову, но всем, кто задался в фильме и операторами фильма — М. Ардьяшеву и В. Беломонтову, худруком — В. Цареву и Л. Семенову, композитору — Е. Птичкину одним словом, но всем, кто задался в судьбу солдат революции и свела в кино фильм на съёмочной площадке «Мосфильма».

И. ЧАНШЕВ

ДОМ С КАМЕННЫМИ ЛЬВАМИ

оножнею вояками. Все ночь шел обрыв. Инвалиды собирались, прокурорский Кошечкин, составленный дежурности.

Но дом с каменными львами не только нам помогло свидетельство событий исторического значения. Хозяева его бережно сохранили коллегии исторические документы, как о соборные со своей белое колоннадой — яркий памятник русского классицизма, автором архитектора — мастера А. Н. Воронихина.

В чешском полку А. Г. Козарица пополнила свои собрания, посетил искусствоведские выставки Елены Рубина, Рембранта, Дюляни Уингольди, коллекции иконописцев, скульптур, гонимых, оказались, охотники из прачечных — и Ботаника, все это собрано доктором — мастерства А. Н. Воронихина.

Сильнее творческих предпринимателей и итальянских был творчеством Трубецкого Пушкин читал трагедию «Борис Годунов».

А в апреле 1840 года, перед отъездом на Кавказ, здесь, как бы прощаясь с доктором ему людям, покаялся Карамзин.

Много событий пронеслось над светлой колоннадой соборная на Неве. Он расположен неподалеку от Сенатской площади, где был дан решающий бой самодержавию.

К. ИВАНОВ

«... известный греческий поэт Янисис Теодоракис, на стихи которого посвящены памяти рабочих-коммунистов, в Афинах — поэтоса, в последние времена столкновения демонстрантов с властью, в Афинах — поэтоса, в последние времена столкновения демонстрантов с властью — «Эпитифия».

Исполнением песни из этого цикла Теодоракиса — песню «Помнишь, мой сын! — и начала свое выступление Катина Зорблиа. В этот вечер прозвучали и другие песни — «Эпитифия», написанного композитора на стихи лауреата Нобелевской премии Георгиоса Сеферакиса, песни о Ламбрусе Галаки, о героине коммунизма Жанне Теодоракисе в 1948 году в лагере Махронисе, песни «Я мечтаю пролетарию» — песни, которые мы должны исполнить и в Афинах.

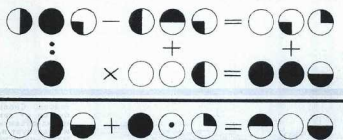
Всегда смилив последние аплодисменты, в заключение, обращаясь к студентам, Катина Зорблиа сказала:

— Я envisioneda сегодня не только тем, что оно в герме нашего дорогого Микуса Теодоракиса, но и тем, что сегодня я слышу и видеть оркестр.

Писатель Микус Александропулос продемонстрировал дит оркестру микусовский «Ромнеси» и «Ромнеси».

Это слово означало, а также означало, подобно слову «Русь», и в структуре — «Ромнеси» (грекоязычность). Там высоко оценили греческие друзья pronunciоанное исполнение оркестром.

Б. РУНОВ

1. Попробуйте решить это арифметическое выражение, подставив на место одинаковых кружков одни и те же цифры.

2.

В этой мозаике найдите пятиконечную звезду правильной формы. Зорким глаз может обнаружить ее быстро.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ.
«СМЕНА» № 12

1.

	12	14	13				
5	8	11	3	2	7	17	
15	10	9	3	18	16	6	
			4	16	6		

2. В секторе «и».

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

— Я ТЕБЯ НАУЧУ ПРАВИЛАМ ДВИЖЕНИЯ!

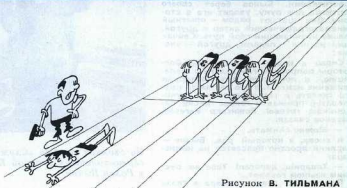

Рисунок В. ТИЛЬМАНА

КТО ЕЩЕ ХОЧЕТ СДЕЛАТЬ ФАЛЬСТАРТ?

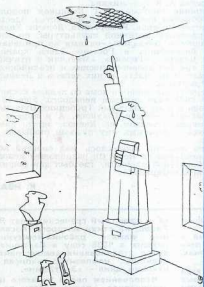

Рисунок В. ПЕСКОВА

Рисунок Н. МЕЛТАЙЛИСА

Рисунок В. ШКАРБАНА

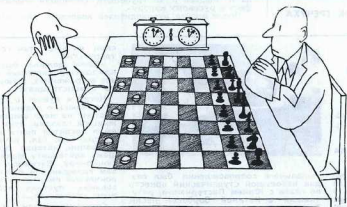

Рисунок Ф. КУРИЦ

Первая страница обложки: «Красная гвоздика» — картина художника Владимира ПУТЕЙКО. Статью об образе молодого современника в советской живописи «На крыльях времени» читайте на стр. 24—25.

Главный редактор В. И. САМОХИН.

Редакция: А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замощин, Р. Ф. Казаков, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], Е. И. Рабчиков, Г. В. Самойлов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник].

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:

Для справок — 53-30-87; отделы: литературы и искусства — 51-32-84; очерки и публицистика — 51-03-51; международной связи — 53-31-50; физкультуры и спорта — 53-31-50; писем — 53-30-47; науки и техники — 51-04-10; фотошкола и репортажа — 53-30-87; информация — 53-31-03; оформления — 50-29-39.

Художник-оформитель О. Теслер.

Технический редактор Н. Вудина.

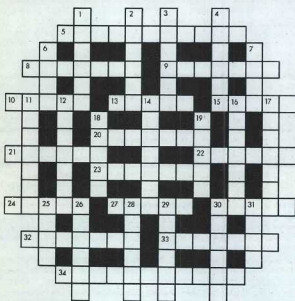
А 00118. Сдано в набор 24/VI 1968 г. Подписано к печати 14/VI 1968 г. Формат бум. 70 × 108¹/₂. Усл. печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 100 000. Изд. № 1201. Заказ № 1757.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Найдите десять различий между этими рисунками.

Рисунки В. БЛАНКМАНА

КРОССВОРД

Составил А. РУНИН,
г. Москва

По горизонтали:

- Белорусский революционер, последователь И. Г. Чернышевского.
- Река в Южной Америке.
- Геологический инструмент.
- Советский ученый в области горного дела.
- Производственное задание.
- Река на Северном Кавказе.
- Порт на Дунае.
- Расказ А. П. Чехова.
- Светский геолог, академик.
- Поэма А. С. Пушкина.
- Вид керамики.
- Злаковое растение.
- Река, впадающая в Финский залив.
- Советская полетка.
- Танец.
- Шахтерский город в Львовской области.

По вертикали:

- Металл.
- Страна в Африке.
- Один из героев пьесы К. А. Теннант «Львовые Ярова».
- Роман М. Маерковой.
- Город в Оренбургской области.
- Сооружение для причала судов.
- Порода сторожевых собак.
- Герой Севастопольской обороны 1854—1855 годов.
- Атомная установка.
- Промысловая морская рыба.
- Художник-передвижник.
- Итальянский тенор, выступавший в Советском Союзе.
- Скрипка, лауреат Ленинской премии.
- Ряд мест для зрителей в театре.
- Метод научного исследования.
- Крестер, участвовавший в Севастопольском восстании 1905 года.
- Электронная лампа.
- Минеральная вода.
- Прибор в электрической цепи.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали:

- Контрабас.
- Тбилиси.
- Кипарис.
- Вангера.
- Виноград.
- Вангеса.
- Чинжо.
- Третьолинки.
- Торос.
- Гладволус.
- «Тангейзер».
- «Акадета».
- Серафим.
- Нонпарель.
- Людон.
- «Варябачица».
- «Ганва».
- Росват.
- Актарос.
- Суворов.
- Ормонфорт.
- Арлулин.
- «Дубишунка».

По вертикали:

- Позин.
- Штерберг.
- Васнетбол.
- «Чайка».
- Облиск.
- Пиамист.
- «Слушай».
- «Феденко».
- Александрит.
- Костянтина.
- Цинкоури.
- Метерлин.
- Орисява.
- Обухова.
- Триваг.
- Прокот.
- Виталос.
- Вьюновский.
- Тингаритка.
- Ангуга.
- Алериод.
- Струг.
- Витас.

Слова Юрия ЦЕИТЛИНА
Музыка Юрия ЧИЧКОВА

ДЛЯ ТЕБЯ ЛЮБОВЬ — ТОЛЬКО ШУТОЧКИ...

Научился ты на гармошке играть,
и теперь тебя не найти, не достать...
За тобой теперь хороводы девац,
говорят, что ты первый наш весельчак.

Припев:
Для тебя любовь — только шуточки,
не страдаешь ты ни минуточки,
а когда любовь без страдания —
значит, близится расставание!

Так проходил ты, всем доступный, ничей!
Чем грустнее мне, тем тебе веселее...
Вот и мне бы так, улыбаясь, пройти,
только встал твой смех у меня на пути.

Припев.

Научился ты на гармошке играть,
твою песенку не забыть, не унять...
Ты по горсточке раздаешь ее всем,
а мне всю отдай, иль не надо совсем!

Припев:
Для тебя любовь — только шуточки,
не страдаешь ты ни минуточки,
а когда любовь без страдания —
значит, близится расставание!

НА КРЫЛЬЯХ ВРЕМЕНИ

Начало статьи
читайте на стр. 24—25.

что это великолепное бело-розовое тело не маневен.

Рождается насыщенный морально-этическими представлениями портрет, не просто констатирующий жизненные факты, но устанавливающий гармонические связи человека с окружающей его миром. Портрет, в котором сливаются воедино размышление, обобщение и требование логичности. Портрет, захватывающий не только темпераментностью мазков и красотой цветовосочетаний, но и диалогичной мыслью. Портрет, который заставляет зрителя задуматься не только над изображенным на холсте, но и — в первую, быть может, очередь — над самим собой. Задуматься над своим пониманием честности, верности долгу, беспроигрышности, над тем, по каким моральным и этическим нормам построена его жизнь.

Художник видит и хочет видеть современника исполненным собственного достоинства и отзывчивым, гордым и добрым, мыслящим и чутким, верным своей рабочей чести и долгу, являющим идеалом коммунизма. Бесстрашным, как Кубышкин у Мяскина. Преданным своему делу, как новоленинские сталевары. Озабоченным им, как герои Шанжметова. Короче говоря, взволнованным судьбами страны, мира, во всех произведениях, которые я называла, в сотнях тех, что не названы, подлинным пробивается непоколебимая уверенность: наш молодой современник не просто житель планеты. Он лицо ответственное. Ответственное за все, происходящее на земле, — за любовь и расоту, за беды и радости, за войну и мир.

«Искусство создается не для украшения квартир», — сказал один из крупнейших художников нашего века Пинассо. — Оно наступательное и оборонительное оружие, помогающее людям в поисках правды, добра, справедливости. Силой и выразительностью своих образов молодые советские живописцы убеждают своих современников в их творческой мощи, в необходимости стоять на страже жизни и быть непримиримым и любовью к миру самоотверженными и душевной ограниченности. Они перестали быть созерцателями, коллекционерами фантов и взяли за оружие, vibratingее в себя большую правду жизни.

В. ЧЕКАНОВ «С РАБОТЫ».

А. КАЗАНСКИЙ «РЫБАКИ».

А. АМАНГЕЛЬДЬЕВ «КОВРОВЩИЦЫ».

